

ТАЙНА КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Описание Мира

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК

СОФРИЯ

1

Алексей Ксендзюк

**Тайна Карлоса Кастанеды.
Часть I. Описание мира**

«София Медиа»

2014

УДК 291.612
ББК 86.391

Ксендзюк А. П.

Тайна Карлоса Кастанеды. Часть I. Описание мира /
А. П. Ксендзюк — «София Медиа», 2014

ISBN 978-5-906749-23-9

Данная работа посвящена систематическому описанию и анализу магического знания дон Хуана, изложенного в книгах известного американского антрополога и мистика Карлоса Кастанеды. Читатель познакомится с философскими и психологическими предпосылками этого оригинального учения, а также с практической методикой, позволяющей достичь удивительных результатов. Книга рассчитана на всех, интересующихся проблемами духовного развития и самосовершенствования человека, обретения нового опыта сознания и восприятия. 4-е издание, исправленное и дополненное автором.

УДК 291.612
ББК 86.391

ISBN 978-5-906749-23-9

© Ксендзюк А. П., 2014
© София Медиа, 2014

Содержание

Предисловие автора к третьему изданию	6
Предисловие автора к четвертому изданию	9
Об источниках	11
Введение	12
Глава 1. Тональ и нагуаль	26
1. Res integra[6]	26
2. Описание мира: истинная пара	29
3. Ветер нагуаля	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Петрович Ксендзюк
Тайна Карлоса Кастанеды.
Описание мира. Часть I

© А. П. Ксендзюк, 2014. Все права защищены.

© ООО Книжное издательство «София», 2014

Предисловие автора к третьему изданию

Со времени первого издания этой книги (1995) моя работа существенно продвинулась вперед. Практический опыт подтвердил ценность и уникальное значение для саморазвития человека большей части кастанедовских сообщений. *Сновидение* и *видение* прояснили и уточнили целый ряд теоретических и практических положений, касающихся устройства энергетического тела человека, траекторий смещения точки сборки, работы расширенного и измененного восприятия, положили начало описанию мира «больших эманаций Орла» (об этом читайте в следующих работах).

Однако фундаментальные принципы и подходы к учению дона Хуана, выросшие из последовательного и детального анализа кастанедовских текстов, остаются сегодня столь же актуальными, как и восемь лет назад, когда писалась эта книга.

Конечно, настроение практики изменилось, и сегодня многое я написал бы немного иначе. Мое мнение стало менее категоричным и резким, хотя главное в нем, как я уже сказал, не претерпело изменений. Сегодня я склонен излагать мысли более сдержанно, без лишнего пафоса. Но интонация книги – всегда свидетельство конкретного времени. Это касается и исторических обстоятельств, и психологии автора. Переписывать же историю ни к чему, это только вводит читателя в заблуждение.

Я позволил себе внести некоторые уточнения и исправления, удалить несколько фрагментов, утративших, на мой взгляд, актуальность, и убрать номера страниц из ссылок на книги Кастанеды, поскольку, во-первых, эти книги переиздавались много раз, в результате чего нумерация менялась. А во-вторых, подлинники знатоки и без моей помощи легко найдут цитируемые места, так как помнят тексты мэтра уже почти наизусть.

Надо также отметить, что здесь ни слова не добавлено по поводу 10-й, 11-й и 12-й книг Кастанеды. Дело в том, что последние работы Карлоса дали нам не так уж много материала для серьезного анализа. «Колесо времени» (*The Wheel of Time*, 1998) – это просто итог многолетних размышлений и набор афористических высказываний по поводу важнейших аспектов толтекского знания. «Магические пассы» (*Magical Passes*, 1997) – книга, посвященная вспомогательной телесной дисциплине, способной ускорить трансформацию энергетического тела толтека при соблюдении определенных условий.

Единственной работой, где Кастанеда попытался как-то приблизить нас к тайне *намерения*, стала книга «Активная сторона бесконечности» (*The Active Side of Infinity*, 1997). Но настроение этой книги оказалось не столько исследовательским, сколько итоговым. Пасмурная атмосфера прощания с миром на фоне враждебного давления чужеродных энергий – все это словно бы несет на себе печать обреченности. Если внимательно прочитать ее, то возникает невольное ощущение: автор в определенном смысле уже проиграл «заключительную битву» и со всем присущим воину смирением смотрит в темноту, лежащую за пределами непостижимого «свечения осознания».

Иными словами, последние книги Карлоса не содержат в себе новых откровений. Они отражают, в основном, его личные чувства – его печаль, одиночество и готовность уйти, его стремление оставить следующим поколениям «открытую дверь» в Бесконечность и свой магический портрет «одиноким птицы».

По этим и другим причинам я не стал анализировать «сумрачный эпилог» творчества последнего Нагваля старого цикла.

В этой книге Кастанеда – живой. Здесь он предстает перед читателем как полный сил исследователь, которого ожидают грандиозные и непредсказуемые перспективы.

Мне не хочется говорить о тех ошибках, которые совершил этот великий человек в последние годы своей жизни, – об ошибках, уводящих в сторону и сбивающих с толку, вроде

коммерческого проекта Тенсёгрити, создания бизнес-структуры Cleargreen, а равно неуместных мистификациях, связанных с «исчезновением» и «появлением» Кэрол Тиггс или «воплощением» *лазутчиков*.

Ибо это не важно. А важно совсем иное: методологическое и практическое ядро толтекского учения, описанное Кастанедой на протяжении «зрелого» периода его творчества, – описанное исключительно талантливо, убедительно и ярко, – по-прежнему остается величайшим откровением XX века.

Будучи писателем, Карлос не мог и не хотел в своих работах последовательно и четко сформулировать открытую им дисциплину, тем более перевести ее на операциональный язык, с помощью которого привык действовать европейский тональ. Кастанеда был, безусловно, романтиком от мистицизма. Возможно, он верил, что подлинные достижения человеческого духа на пути самотрансформации не нуждаются в технологических рецептах, а полагался на мощь древних символов, пробуждающих творческую интуицию искателя.

Не следует забывать, что Кастанеда начинал свои изыскания в качестве антрополога. Профессиональная «очарованность» индейским шаманизмом делала его порой крайне наивным и восторженным. Такие, вполне прагматичные для толтекского разума, символы, как *Сила, намерение, путь воина, безупречность*, обретали неопределенность и таинственность; так или иначе, он склонялся к Мечте в том виде, какой был ему наиболее близок.

Именно в этом – исключительная сила его наследия, взывавшего к человеческому сердцу, пробуждавшего забытые *чувства* у его читателей, утомленных однообразием и серостью того описания мира, что создала наша цивилизация.

Но в этом же – его неминуемая слабость. Он подарил своим последователям надежду, дал им толчок, возродил высокую страсть; но, увлеченный всем этим, не дал точных определений ряда методов, пренебрег описанием некоторых важных явлений и оставил слишком много места для досужих фантазий и домыслов в среде людей, интересующихся данными темами лишь поверхностно.

Карлос Кастанеда просто «открыл дверь» и в общих чертах обрисовал бесконечные ландшафты, простирающиеся там, Снаружи.

Кропотливую исследовательскую работу он оставил продолжателям толтекской традиции Самотрансформации и Познания Реальности.

Сердце и настроение древней, но непрерывно меняющейся магии нагуаля были для Кастанеды важнее, чем детальные описания процедур проникновения во второе внимание, техник развития тела сновидения, приемов и сценариев *безупречности* и *сталкинга* – то есть самих *ключей* к формированию нового типа сознающего существа – «воина нагуаля».

Когда Кастанеда узнал, что старый цикл нагуализма завершается и его предназначение как воина – основать новый цикл с новыми правилами, но той же грандиозной целью, что предстоит сделать толтекскую дисциплину открытой для массового исследования и значительно изменить сам язык ее описания, – а это поистине революционный шаг и колоссальный труд, который никто не сможет одолеть в одиночку, оказалось, что мэтр просто не окружил себя подходящими для этого дела соратниками. Флоринда, Тайша и Кэрол были замкнуты на себе, а их преподавательский (тем более научный) потенциал слишком быстро исчерпался.

«Последний Нагваль», который, как известно, всю жизнь побаивался одиночества, в конце концов столкнулся лицом к лицу со своим страхом. Слишком долго, как мне теперь видится, Кастанеда учился «брать на себя ответственность», слишком долго таился в узком кругу избранных. А его «окончательное путешествие», оказавшееся столь трагическим, повергло оставшихся в глубокую растерянность и шок. Теперь на месте образовавшегося вакуума то там, то здесь появляются сомнительные «нагвали», которые обещают нам раскрыть великие тайны, но, к сожалению, не сообщают ничего нового.

Великие открытия дон-хуановской дисциплины требуют тщательных исследований, дальнейших разработок в области методологии и техники, серьезных продолжателей. Именно они положат начало новому циклу в развитии древнего знания толтеков. Время для него пришло.

Алексей Ксендзюк, 2002 г.

Предисловие автора к четвертому изданию

Для меня книга «Тайна Карлоса Кастанеды» имеет особое значение. Именно эта публикация стала в моей жизни своеобразной вехой, не просто началом литературной работы, но началом масштабного теоретического и практического исследования наследия великого мистика второй половины XX века – Карлоса Кастанеды.

Впервые эта работа была опубликована одесским издательством в 1995 г. как попытка систематического описания и анализа того знания, которое изложил в своих книгах Кастанеда. Во многом содержание этого исследования определено духовной атмосферой тех лет. Помню, сколько полемики вызывали кастанедовские тексты, как неоднозначно и поверхностно мы понимали изложенные в них идеи и практические методы.

«Толтекской магией» интересовались многие, но понимали ее единицы. Впрочем, мистическое ядро учения и сегодня осталось непередаваемым – тем «темным знанием», для которого не существует языка описания, которое можно постичь лишь через персональный опыт, через собственное чувство, и никак иначе. Эти аспекты знания дон Хуана познаваемы только в процессе практики, но проблема как раз и состояла в том, что по книгам Карлоса Кастанеды – ярким, талантливым, уникальным как по содержанию, так и по духу – построить эффективную практику было невозможно.

Романтический гений Карлоса великолепно передавал настроение, его талант рассказчика увлекал, заставляя внимательно следить за тем, как антрополог, воспитанный в духе западной цивилизации, пытается проникнуть в магический мир месоамериканского шамана, за всеми таинственными перипетиями этого странного обучения.

Пока читатель относится к истории Карлоса как к оригинальному мистическому фэнтези, ему вполне хватает исходного текста. Если же использовать работы Кастанеды как практическое руководство, на каждом шагу возникают вопросы – не только практического свойства, что вполне естественно, но и мировоззренческого, философского, психологического, экзистенциального. Важнейшие идеологемы, метафизические концепции и психотехнические методы, которые мы находим в многотомном эпосе, рожают споры, в которых, увы, далеко не всегда рождается истина.

Именно в такой атмосфере споров и заблуждений я рискнул изложить собственное понимание учения дон Хуана. Ни тогда, ни теперь я не претендовал на то, что моя интерпретация нагуализма является единственно правильной либо, как порой казалось моим критикам, истинной в последней инстанции. В своих последующих работах я уточнял собственные гипотезы и теории; в процессе психоэнергетической практики, основанной на главных концепциях кастанедовского нагуализма, открывал новые методы, подходы и нюансы. Все это в результате превратилось в философско-практическую систему, которую я назвал нагуализмом нового цикла. Интересующиеся читатели могут ознакомиться с развитием этих идей в моих последующих работах.

Но все это случилось позже. В этой книге, написанной, как уже было сказано, в 1995 г., читатель найдет, прежде всего, описание и анализ магического знания дон Хуана. Основное достоинство этой работы – систематизация идей и мистических практик, насколько такая систематизация вообще возможна, когда мы имеем дело с дисциплиной, цель которой – преодоление описания мира как такового, и разъяснение важнейших концептов (тональ и нагуаль, описание мира, «делание» и «неделание», остановка внутреннего диалога, щиты внимания и точка сборки, безупречность, сновидение и сталкинг, видение энергетической вселенной и многое другое).

Здесь читатель, интересующий идеями психоэнергетической Трансформации человека, найдет множество прямых и косвенных подтверждений этих идей, представленных в общефи-

лософском и психологическом контексте, так как тогда мне казалось важным поместить магическое знание дон Хуана, которое не вписывалось в известные традиции, в культурное поле духовных поисков человечества.

Трудно судить, насколько мне удалось справиться с этой непростой задачей. По крайней мере, сам подход к материалу оказался весьма продуктивным – он положил начало исследованиям сновидения и безупречности, изучению энергетической вселенной и энергетического тела человека, которые продолжаются и сегодня.

Алексей Ксендзюк, 2014 г.

Об источниках

Работая над этим исследованием, автор прибегал к мыслям и идеям многих философов, исследователей и ученых, предоставивших своими трудами богатый материал для анализа, раздумий и сопоставлений. Хочу с благодарностью упомянуть хотя бы некоторых из них:

*Блумер Г. Сведенборг Э.
Бэндлер Р. Судзуки Д. Т.
Вейль С. Сэпир Э.
Витгенштейн Л. Тайлор Э.
Гегель Трунгпа Чогьям
Гриндер Дж. Уорф Б.
Кришнамурти Дж. Фабри К.
Лилли Дж. Франкл В.
Малявин В. Хайдеггер М.
Мамардашвили М. Хаксли О.
Маритен Ж. Хэвитт Дж.
Мердок А. Чжуан-цзы
Меррелл-Вольф Ф. Шелер М.
Павитра Шри Ауробиндо
Парсонс Т.*

В своей работе я также опирался на известную статью о Карлосе Кастанеде в журнале *Time*, на его интервью С. Кину в *Psychology Today* и другие опубликованные воспоминания о встречах с этим замечательным человеком.

Каждая цитата из произведений Карлоса Кастанеды в предлагаемой работе снабжена указанием на источник. Информация об источнике приводится в скобках – римской цифрой обозначается номер книги по порядку выхода их в свет.

Порядок обозначений:
«Учение дона Хуана» – I
«Отдельная реальность» – II
«Путешествие в Икстлан» – III
«Сказки о силе» – IV
«Второе кольцо силы» – V
«Дар Орла» – VI
«Огонь изнутри» – VII
«Сила безмолвия» – VIII
«Искусство сновидения» – IX

Текст цитат приводится в соответствии с редакцией перевода, опубликованного издательством «София».

Введение

Как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следовательно, должен быть настоящий человек, и тогда будет настоящее знание.

Чжуан-цзы

Мы будем говорить о тайне. Хотя с некоторых пор тайны такого рода все больше напоминают романтические саги экзальтированных менестрелей Галактики либо сексуальные фантазии одиноких и не в меру впечатлительных дам, либо литературный психоз в духе Стивена Кинга, – словом, тайна в нашу эпоху стала чем-то вроде яркого, но безвкусного шоу, где грубо сработанные из папье-маше куклы говорят возвышенно, многословно и умно, да только привести никуда не могут. Потому что они говорят о *снах*.

Галлюцинирующий мозг «контактера» генерирует самодельные тайны, чуткие ко всему новому экстрасенсы толкуют их психоэнергетически, колдуны чародействуют, а правочерные буддисты дремлют в своей беспредметной нирване... Мы поистине мифотворцы. Христос или Кришна, Космический Разум или Космическая же Любовь (а проще сказать, Космический Человек, ибо все это «слишком человеческое») для нас гораздо важнее подлинной непостижимой Реальности, о которую запросто разбивают лбы рафинированные сказочники-окультисты.

И мы будем говорить о тайне именно *этой* реальности – ее бледный, но неотступный свет лежит на могильной плите всех человеческих мифов; образ, конечно, неудобный, и нет поблизости сияющих гуру, одним взглядом своим дарующих блаженство... Просто истина – со своей свободой и красотой, со своей тоской и жестокостью. И со своей неизбывной полнотой смысла. «Не любите сна, чтобы не обеднеть». Но все мы (или почти все) сладко спали столетия и столетия, не желая думать о предостережении библейского мудреца.

А хоронить миф – дело опасное и неблагодарное. Все эти истерики, все эти эмиссары гималайских махатм, что, подобно инквизиторам, одержимы происками дьявола (Братства Тьмы, например), все эти новоявленные экзорцисты – взываются хором, чтобы поносить «своумудрых», и даже не в тщеславии дело и не во власти над умами. *Человеческое* восстает против *над-человеческого*, и подлинная причина бунта – страх.

Ну вот, подумает читатель, и проясняется понемногу, к чему клонит автор: сейчас мы услышим историю нового Мессии, который явно (по мнению писателя) заткнул за пояс всех предыдущих. *Нет*. Не будет никакого мессии, и аватаров не будет, и никакой высший Дух не водил моим пером, когда создавалась эта книга.

И все же речь пойдет о тайне – возможно, самой великой из тех, что когда-либо открывалась человеку. О тайне сокровенной и сумеречной стороны его существа, сумеречной именно из-за потаенности своей (затененности, позабытости, но не вредоносности, как поневоле желает думать тот, кто привык сражаться с «враждебными силами»). Именно трезвость ума, непредвзятость чувства, отрешенность от страхов и суеверий подводят нас к тому, чтобы *просто понять* и тем самым, быть может, вернуть мистицизму его настоящее сердце.

Нет в нас ни inferнальной тьмы – родительницы пагубных и вредоносных сил, того воинства ада, что обращает человеческую природу ко злу; нет в нас и светозарных небес, чьей милостью возрождаемся мы к жизни высокой и вечной. Есть только бодрствующий дух, который и творит, и находит пути к подлинному развитию малопостижимого средоточия Силы – центру восприятия, сущностному «я». О том и говорит в латинском двестишестом средневековый магик Корнелий Агриппа, оставшийся верным поиску объективной Истины:

*Nos habital non tartara, sed nec sidera coeli,
Spiritus in nobis qui viget, illa facit.*

(Не адские силы в нас пребывают и не светила небес,
А бодрствующий дух, который творит.)

1

Мы подавлены тяжестью мира. Его однозначная и утомительная структура поработщает нас, принуждая исполнять запрограммированное действие, имеющее всегда один сценарий: *выживание*. Это мироздание давно посерело и выцвело от многократного использования – мы отдаем ему свои жизни, бесконечно повторяя одну и ту же запись, одну и ту же программу, испытывая одни и те же чувства, надежды, ожидания. Мы тщательно прикидываемся, что верим в разнообразие ходов и непредсказуемость перспектив, но в сокровенной глубине знаем, что движемся одной-единственной тропинкой, сойти с которой у нас никогда не хватает духа.

И тогда, чтобы не умереть от скуки, мы сочиняем сказки – но далеко не всегда невинные. Мы их сочиняем, мы в них верим, мы живем ими – восторгаемся, грезим, страдаем, воюем ради них и убиваем, именно *убиваем* друг друга. Как пронизательно заметил бдительный автор прославленной «Агни-йоги» (он-то, конечно, вещал о своем, но попал в самую точку): «Опасность одурения возрастает».

Потому мы и не хотим явления Мессии («не мир я вам принес, но меч») и не хотим сладкозвучных колыбельных песен добросердечных старичков – доморощенных психотерапевтов, у которых санскритская Ананда так чудно рифмуется с Благодатью Божией. Мы хотим живой, осязаемой Тайны – пусть бестрепетно отрешенной, нечеловеческой, но *настоящей*. Нам необходимо *отрезвление истиной*.

И такое отрезвление (словно порыв свободного ветра, за которым – подлинное, а не мнимое бессмертие, здешнее и одновременно невообразимо далекое чудо, так не схожее со спиритуалистическими фокусами наших духовидцев!) не явилось, разумеется, с гималайских вершин, где блуждает высокий дурман Востока.

Открытие великой тайны и начало великого отрезвления восходит к лету 1960 года, когда некий Карлос Кастанеда, никому не известный и малопримечательный молодой человек, обладавший латиноамериканской внешностью, но при этом настырностью прирожденного янки, «в ту пору студент антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях, используемых местными индейцами» (I).

В те годы призрак психоделической революции уже нетерпеливо топтался на пороге скучного, вылизанного до тошноты жилища европейской культуры; в те годы примитивные племена со своими знахарями и колдунами были готовы взять реванш и хоть на миг сорвать с себя личину неполноценности, навязанную им самовлюбленными пришельцами; новые пророки, учителя и шарлатаны упражнялись в ЛСД-терапии – назревал бум. Древнее целительство – все эти кипящие в горшках корни и травы, зазывания, шаманические пляски вокруг полночных кострищ – становилось модной штучкой. И вряд ли Карлос был единственным антропологом, кому припала охота поподробнее разузнать о *пейоте* – кактусе семейства *Lofofora*, содержащем мескалин, один из сильнейших галлюциногенов, известных в наше время. Тем более что исследования культа, связанного с этим растением, уже попадались ему на глаза. В одном интервью К. Кастанеда сам ссылается на книгу W. La Barre «The peyote cult».

Однако лишь он смог найти нечто действительно потрясающее, рядом с чем всякие «промывки мозгов» в стиле Тимоти Лири или «светящиеся существа» любителей сенсорной депри-

вации (Дж. Лилли и др.) кажутся просто детской забавой безмерно скучающего человека. Конечно, ему помог случай – по крайней мере, так думать легко и удобно. Хотя кто знает? Ведь «небо не говорит», как любил повторять один очень древний даос. Просто Карлос Кастанеда познакомился с доном Хуаном – индейцем племени яки, очень загадочным стариком, буквально заворожившим нашего антрополога. «После я стал навещать его, и примерно через год он сообщил, что решил передать мне то магическое знание, которое получил от своего учителя» (из интервью в *Psychology Today*).

Все эти события теперь широко известны. Книги, написанные Кастанедой, с завидным постоянством повествуют падкому на сенсации читателю о «магическом знании» дон Хуана. Понять такое знание непросто, ну а принять со всей серьезностью – почти равносильно самоуничтожению. «Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, – сказал он. – Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить» (IV).

И вовсе не ради красивых слов мы упомянули похороны мифа. Такого основательного удара по человеческому сознанию еще не наносил никто. И подчеркнуть это нам кажется особенно важным: всплеск интереса к «измененным состояниям сознания», ЛСД-путешествиям, восточным психотехникам породил в 60-е и 70-е годы целый поток научной, околону научной и совсем не научной литературы. Это изобилие не столько восхищало, сколько настораживало: европейская культура ассимилировала новые веяния и конструировала новую мифологию. Кастанеда остался «одиноким птицей» в небесах своего безжалостного знания, и только миллионы красочно изданных книжек с его именем на обложках по-прежнему раскупаются студентами с пылким воображением и прочими любителями «остросюжетной мистики».

Старый дон Хуан Матус нанес удар, но его попросту *не пожелали* заметить.

«Понимание идет от разума. Но то, что делает возможным понимание, – это порыв бытия, а не разум», – говорили древние китайцы. Уже тогда они понимали, что разум и бытие разделяет пропасть. Дерзнувшие броситься туда находят либо смерть, либо вечную дорогу, где без усталости ходит свирепый космический ветер.

2

Магия – опасное слово. К несчастью, мы разучились чутко «ухватывать» слова и прозревать многозначность символа, ибо в нашем прагматическом, обескровленном языке (как и в самом нашем мире, для которого язык лишь блеклое зеркало, где красуется этот оскотелый, утомительный разум) царствует терминология и классификация. Лишь свободный дон Хуан может позволить себе неустанно играть словами, всякий раз напоминая сбитому с толку Карлосу: «Это лишь способ говорить».

Критики Кастанеды, и даже не столько те, что тяготеют к примитивному материализму, а именно адепты «высокой духовности», обожатели Космического Разума и просветленных «учителей», презирают магию с особенной силой, из-за чего и страшатся Кастанеды, а от дон Хуана бегут, словно черт от ладана. Знание не-божественное (а вернее сказать, не-человеческое), знание пагубное, зловещее и разрушительное – вот что для них магия.

Ученый люд, конечно, не так пуглив, но столь же высокомерен. Доктор Леманн с простительной наивностью (ибо писал свой труд еще в 1900 г., а с тех пор ничего не изменилось) разъясняет так: «Суеверие – это теория, а магия – деятельность, являющаяся результатом такой теории... Если верят в существование демонов, т. е. низших духов, помощь которых в том, чего иным способом нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что

в таком случае станут пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякий поступок, являющийся результатом такого мнения, есть магия»¹.

О целях магии Леманн говорит вполне определенно, и, несмотря на давность этого высказывания, прислушаться к нему стоит. Ибо и сейчас традиционное понимание магии не претерпело особых изменений: «...мы видели, что человечество всегда верило в возможность магических операций, посредством которых добивались двух целей: во-первых, стремились к познанию фактов, лежащих вне пределов обыкновенного опыта и необъяснимых общепринятыми способами; во-вторых, пытались получить *власть* над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами. Ввиду этого, с одной стороны, мы видим упорное стремление поднять завесу будущего при помощи целого ряда методов... с другой – видим страстное стремление получить власть над материальным миром для достижения различных практических целей: лечения болезней, удлинения жизни, приобретения знатности, богатства и половых наслаждений... – вообще для всего, что близко человеческому сердцу».

Как видите, магия бездуховна хотя бы уже потому, что направляет основное свое усилие на блага «мира сего» – отвратительно, особенно если вспомнить, кого нарекли «князем этого мира»!

Дальше – хуже. Неожданное сходство магии с наукой (и далеко не в лучшем смысле) находит видный английский моралист Клайв С. Льюис: «И магия, и прикладная наука отличаются от мудрости предшествующих столетий одним и тем же. Старинный мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плодами его раздумий были знание, самообуздание, добродетель. Магия и прикладная наука думают о том, как подчинить реальность своим хотениям; плод их – техника, применяя которую можно сделать многое, что считалось кощунственным, – скажем, нарушать покой мертвых» (Клайв С. Льюис. Человек отменяется).

Именно такое отношение к магам было господствующим в средневековой Европе. Недалом тот же Клайв Льюис напоминает, что в пьесе Марло даже доктор Фауст – искатель чистого знания – от бесов «требовал не истины, а денег и девиц». Своеобразным итогом предложенной линии рассуждений может послужить характерное высказывание И. Ярви и Дж. Агасси: «Мы утверждаем, что магия является ложной научной теорией, не более и не менее. Это делает ее наукой. Поппер часто говорит, что мы можем быть уверены в эмпиричности и научности теории лишь после ее фальсификации. Но раз лучшая наука открыта, ложная наука может быть в лучшем случае относительно сильно рациональной. Превосходство очень сильно рациональной науки здесь и сказывается: при указанном понимании магии и науки мы предпочтем науку лишь потому, что она лучше проверяема, объясняет больше и более точно и т. п.»².

Стало быть, Карлос Кастанеда все эти годы был ведом Хуаном Матусом к освоению сверхъестественной техники, дающей власть над людьми, золотом и женскими сердцами? Он преподавал наивному антропологу науку запугивания и оболванивания, готовил приворотные зелья и обучал втыкать иголки в изображения вредных профессоров, чтобы те не подсиживали талантливого Карлоса в своем Калифорнийском университете? Глупо и смешно. Слова делают нас слепыми и глухими, а подлинный смысл драмы человека, ступившего на край бездны неведомого, ускользает неприметно и невосполнимо.

Как же назвать ту странную дисциплину, которой отдавали жизнь невероятные индейские «колдуны», принявшие и признавшие будущего лектора-антрополога? Ведь даже строго энциклопедическое определение магии толкует все о том же: «колдовство, чародейство, волшебство, обряды, призванные сверхъестественным путем воздействовать на мир (явления природы, людей, духов)». Сюда относится хозяйственная магия (обряды вызывания дождя, обес-

¹ Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900.

² Agassi J., Jarvie I. C. Magic and rationality again // The British journal of sociology. 1973. Vol. 24. No. 2.

печения удачи на охоте), лечебная магия, вредоносная (насылание «порчи» и т. п.), магия любовная и еще многое в подобном духе.

Любопытно обратить внимание в связи с этим на некое странное «суеверие». Если просвещенные магистры и доктора относятся к магии, в основном, с высокомерным пренебрежением, то обычный носитель массового сознания ее по меньшей мере побаивается. Известный этнограф Э. Б. Тайлор в своей монографии «Первобытная культура» приводит целый ряд примеров такого рода страха у народов «цивилизованных» перед примитивными племенами, «владеющими волшебными силами». Кажется, сама примитивность этих племен, аморфность и иррациональность восприятия мира («описания мира», как выражается дон Хуан) отворяют для них путь к силам, напрочь позабытым «окультуренными» собратьями.

«В любой стране изолированное или отдаленное племя, уцелевший остаток более древней народности могут приобрести репутацию колдунов, – пишет Тайлор. – Для малайцев – это дикое племя джакун, для древних арийцев – всякие грубые туземцы покоряемых ими стран. Даже в Северной Европе относительно малокультурные народы, такие как финны и лопари, долгое время оставались «предметом суеверного страха для своих скандинавских соседей и притеснителей» (Э. Б. Тайлор. Первобытная культура).

Мы еще вернемся к этому любопытному факту и попробуем разобраться, не стоит ли за этим страхом нечто большее, чем «презренное суеверие» – атавизм «низшего уровня цивилизации», и почему люди древности колдовали, видимо, удачнее, чем наши с вами современники.

Но прежде всего нам следовало бы рассмотреть, как понимали сущность магии наши предки, как понимают ее современники и следует ли хоть в каком-то смысле называть дисциплину дон Хуана магией? Например, один из исследователей оккультизма Рам М. Тамм в своем «Комментарии к работам Карлоса Кастанеды» без тени сомнения называет последователей дон Хуана «магами», так как существенной чертой магии (в отличие от более высоких, т. е. «духовных» учений) полагает поиск паранормальных сил и способностей.

Рассуждает он так:

«Однако дон Хуан, дон Хенаро и их ученики, используя эксперименты с гравитацией для достижения различных сиддхи (магические сверхсилы), не достигают конечной реализации. Охота за силой блокирует их духовное развитие и поглощает большую часть их акаше-пра-нической энергии. Это общая участь всех сиддхи-искателей. Сам факт использования центра пупа указывает на жажду мощи. Этот центр, иногда называемый «чакрой силы ци», используется каратистами, тибетскими и китайскими магами и индийскими факирами для генерирования – проектирования – манипулирования этой силой (*ци* или *ки*). Кроме того, колдуны используют этот центр для высасывания энергии из живых существ (магическая эксплуатация и кража энергии)»³.

Колдуны яки, по его мнению, «не ищут освобождения от кармы». Полностью загипнотизированный индо-буддистским мифом о колесе реинкарнаций, о страдании и карме, автор просто не желает замечать многократно повторяемую и подтверждаемую идею дон Хуана о том, что «воин ищет только свободу». Охота за силой – действительно одна из важнейших концепций в книгах Кастанеды, но, во-первых, эта сила не может быть получена через «кражу» или «эксплуатацию», а во-вторых, по самой природе своей не может иметь ничего общего с эгоистическими устремлениями личности. Рам М. Тамм справедливо утверждает, что «погоня за мощью – вообще характерная черта нашего времени, а древняя мудрость теперь используется большинством лишь как средство приобретения различных сиддхи и подчинения себе или порабощения других существ. Можно сказать, что со своего статуса эффективной помощи в духовных достижениях магия деградировала до статуса простого инструмента вызывания

³ Рам М. Тамм. Тайны магов. С. 60.

различных психозов (политико-социального религиоза-сайентоза, анимистического магиоза и др.) и магической кражи» (там же, с. 62).

Да только данный пассаж не имеет ни малейшего отношения к магии Карлоса Кастанеды. Читатель, взявший на себя труд ознакомиться с основными идеями, целями и методами описываемого пути, легко сможет убедиться в этом. Скорее уж здесь будет уместно упоминание о «духовной жажде», о «поиске истины». Так пришел к магии Фауст у Гете:

*«Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный».*

(Пер. Н. Холодковского)

Путь дон Хуана ведет еще дальше: не просто «все сущее в основе» открывается на этой дороге, но вся человеческая личность, целостное существо «превосходит себя», становясь объективным воплощением истинного Бытия – потоком свободной самосознающей энергии, которой нет предела. Магия, упоминаемая такими критиками, как Рам М. Тамм, для «воинов» дон Хуана неприемлема.

«И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда?

– Не считаю, – ответил он. – Я – воин, который видит. И вообще, все мы – «лос нуэвос видентес» – новые видящие. Магами были древние видящие.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – воспринимает магию как нечто скорее отрицательное; тем не менее она его привлекает. Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. Но для нас сделаться на самом деле магами – тупик» (VII).

Как видите, трюк, использованный доном Хуаном для привлечения неопита, сбил с толку не только Карлоса, но и многих его читателей. Но и поспешность суждений критиков наглядно демонстрирует, как человек привык обманывать себя словами и строить отношение к явлениям исходя из простых сотрясений воздуха. Новые видящие, объясняет дон Хуан, пришли к выводу, что «магические практики лишены собственной ценности» (VII), и отказались «от всей этой чепухи – ритуалов, заклинаний и прочего».

«Цель всех магических приемов – воздействие на других людей, – говорит дон Хуан в другом месте (II). – А видение на других никак не влияет». Короче не скажешь. Видение (seeing), основная практическая задача в учении дон Хуана, постижение Реальности как она есть через непосредственное восприятие, срывает с человека все эгоистическое, все эти потуги «управлять», «принуждать», «воздействовать», «манипулировать». Потому магия как подход противоположный – это тупик для тех, кто ищет свободу.

«...Видение, по сути своей, противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

– Неважность чего, дон Хуан?

– Неважность всего» (II).

Назвать – значит ограничить. Слово «магия» в устах дон Хуана – только некий знак, удобный и краткий иероглиф, «способ говорить» о знании, для которого все равно нет аналогий.

«В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием был бы «нагвализм», но этот термин слишком непонятен. Назвать его просто «знание» – означало бы не отразить его сути, а назвать колдовством было бы унижительно. «Овладение намерением» – слишком абстрактно, а «поиск полной свободы» – слишком длинно и метафорично. В конце концов, не сумев найти более подходящего названия, он согласился называть его «магией», хотя признавал, что и этот термин не точен» (VIII).

Мы можем прийти лишь к познанию непостижимой и величественной тайны себя и мира. Конечно, эта тайна включает в себе огромное могущество, она дает подлинную и невообразимую силу. Только так мы и можем говорить о магии, с которой знакомит нас Кастанеда.

«Все, через что я тебя провел, – продолжал дон Хуан, – все, что я показывал тебе, все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс!

Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию, но все, что он делает при этом, – это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею» (VIII).

3

Певцы «духовности» недовольны книгами Кастанеды, поскольку, кажется, подсознательно стремятся к педагогическому пафосу. Маловато у дон Хуана торжественных речей, а насчет созидания высших ценностей, победы света и добра, преодоления невежества и установления царства Истины на Земле подозрительный «маг» либо помалкивает, либо грубовато насмехается со специфически индейским юмором. Даже необычайно отвлеченный свет Абсолюта ни единым лучиком не сияет на пустынных просторах кастанедовских пейзажей; носитель «искры Божией», бессмертного и эволюционирующего Духа может быть в самый решительный момент запросто поименован «кучей дерьма», а Бог, сотворенный человеком по своему образу и подобию, оказывается ограниченным и бесполезным. «Беспредельная пустота и ничего святого», как формулируют свое представление о Реальности последователи дзэн.

Вообще же, почти все (за редким исключением) мистические доктрины, зовущие человека к развитию, совершенству и самореализации, грешат антропоморфизмом мышления. Это тем более удивительно, когда в их основе лежит солидный философский базис и утонченная метафизика, что имеет место, скажем, в индо-буддистском корпусе идей. Рассуждая о природе подлинной Реальности, объективный и последовательный мыслитель неминуемо вынужден постулировать неприложимость к этой Реальности никаких человеческих мерок, критериев, оценок. В противном случае он должен откровенно признать, что не является беспристрастным исследователем, а следует собственной вере, субъективным предпочтениям в интерпретации бытия, т. е. желает видеть мир и роль человека в нем именно таковыми.

Конечно, мы сталкиваемся с подобной откровенностью достаточно редко. Неприкрытое мифотворчество с утешительной, терапевтической целью хотя и может быть в ряде случаев оправдано, но малопривлекательно для искателей «смысла жизни», а значит – неэффективно. Антропоморфизм, «очеловечивание» Реальности, обычно возникает в серьезных мистических дисциплинах постепенно, поначалу с оговорками и оправданиями, через незаметные с первого взгляда логические натяжки, апелляции к «внутреннему чувству», «инстинкту», и незаметно

окрашивает теоретические размышления, чтобы затем дать жизнь некоей «фундаментальной», но совершенно человеческой идее, а в итоге – родить еще одну разновидность религии, т. е. мифа, пусть даже самого раскрепощенного.

Так обстоит дело с идеями. Если же речь заходит о конкретном опыте, индивидуальном переживании необычных психических состояний, то здесь, конечно же, антропоморфный тип интерпретации царит безраздельно. Даже профессиональный философ, декларирующий непостижимость всемирного бытия и полную безличность вселенской энергии, вдруг вспоминает о «Божественном Свете», о Милости и Благодати, о великом покое Высшего Разума и т. п. Космическое Добро и Зло, Свет и Тьма оказываются неизбежными атрибутами еще совсем недавно неопределимого мироздания, а известный тезис о единстве человека и вселенной плавно перерастает в тезис об их подобии. Так мы навязываем Реальности наши собственные идеалы, цели, понятные нам характеристики.

Вряд ли стоит рассматривать бесчисленное множество примеров подобных метаморфоз, тем более что часто они аргументированы неуклюже и малоубедительно, не говоря уже о том, что многие авторы «духовных учений» даже не отдают отчет в собственных манипуляциях, с обескураживающим простодушием мешая в кучу противоположные взгляды и идеи. Интересным примером здесь, как нам кажется, может послужить учение действительно великого индийского философа Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош, 1872–1950). В своем грандиозном труде «Жизнь Божественная» он говорит о природе Реальности следующее:

«Но это единство по природе своей неопределимо. Пытаясь его представить с помощью ума, мы вынуждены пройти через бесконечный ряд концепций и опыта. И нам все же приходится отвергнуть свои самые широкие концепции, свой самый всеобъемлющий опыт, чтобы подтвердить: Реальность выходит за рамки всех определений»⁴.

С этим положением трудно не согласиться – трезвый и объективный подход философа нас подкупает. Но лишь двумя страницами ниже мы читаем следующее:

«Иными словами, если Брахман вошел в форму и проявил свое бытие в материальной субстанции, это возможно лишь для радости самопроявления Его в образах относительного и феноменального сознания. Брахман существует в этом мире, чтобы представить себя в ценностях Жизни. Жизнь существует в Брахмане, чтобы раскрыть Брахмана в себе. Таким образом, значение человека в этом мире заключается в том, что человек отдает ему то развитие сознания, в котором такое преобразование с помощью совершенного самораскрытия становится возможным. Человеческое в человеке заключается в осуществлении Бога в жизни. Он начинает свой путь с животной витальности и ее деятельности, но божественное бытие – *его цель*» (там же, с. 36; курсив мой. – А. К.).

Такая мысль понятна и не может не вызвать сочувствия. У нас нет ни малейшего желания опровергать высокую идею индийского гения, но если взглянуть на вещи абсолютно честно, то мы не сможем объяснить, как из первого положения вытекает второе. Шри Ауробиндо тщательно и подробно аргументирует свои взгляды, но корень противоречия неустраним. На основании чего возможно заключить, что неопределимая Реальность, к которой не подходят даже «самые широкие концепции», развивается в абсолютном согласии со вполне человеческой идеей о «духовной эволюции»? Нам следовало бы постоянно помнить: человек и мир (Бытие, Реальность) едины, человек – неотъемлемая часть его, и в этом мироздании действительно заключено нечто человеческое, иначе бы мы никогда не возникли. Но это не может быть достаточным основанием для распространения человеческих идеалов на космос.

Для читателя, привыкшего рассуждать о духовной эволюции, дон Хуан возмутителен, потому что среди идей индейского «мага» не найдешь ничего подобного. И это естественно. Мы часто забываем, что «эволюция» – это не просто движение, но движение от худшего к

⁴ Sri Aurobindo. The Life Divine. Pondicherry, p. 33.

лучшему, от низкого к высокому, от менее совершенного к более совершенному. А введение подобных критериев в картину мира недопустимо, ибо это и есть антропоморфизм. То, что нам приятно думать об эволюции, как раз доказывает исключительно «домашнее» изготовление этой концепции. Ею оказываются заражены даже те исследователи «духовности», которые претендуют на научную объективность своих экспериментов – например, Ф. Меррелл-Вольф или Дж. Лилли. Антропоморфизм мышления, этот рудимент, доставшийся нам еще от древнейшего мистицизма, кажется поистине бессмертным.

Из всех широко известных духовных доктрин мы могли бы, пожалуй, назвать лишь две, последовательно и беспристрастно воплощающие на практике идею чистой Реальности без какого-либо очеловечивания ее. Это даосизм и дзэн-буддизм. В первом учении реальность выступает как неведомый «путь вещей», во втором – как «пустота», что выше всякого понимания. «Таким образом, Шарипутра, всем вещам присуще свойство пустоты, – говорится в излюбленной сутре дзэн-буддистов. – Они не имеют ни начала, ни конца. Они ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны. А потому, о Шарипутра, здесь, в этой пустоте, нет ни формы, ни восприятия, ни имени, ни понятий, ни знания. Здесь нет ни органов чувств, ни тела, ни ума. Нет формы, нет звука, запаха, вкуса, осязания, нет предметов. Нет знания, нет неведения, которое нужно устранить. Здесь нет разложения и смерти... Здесь нет представления о нирване, нет ее достижения или недостижения» (Праджня-парамита-хридая-сутра).

Разумеется, идея пустоты характерна для всех школ северного буддизма, но только в секте чань (дзэн) она безоговорочно определяет характер психологической практики и оценку переживаний в измененных состояниях сознания.

Итак, вещи мира «ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны». Понятно, что при таком взгляде на бытие никакое представление о духовной эволюции возникнуть не может. Более того, само слово «духовность» употребимо здесь только в самом отдаленном своем значении. Недаром мы помещаем его в кавычки – ведь это понятие обусловлено особенностями европейского ума, переносящего собственные предрассудки на благодатную почву индо-буддистского мистицизма. Тем не менее упреки в отсутствии «духовности» критики Кастанеды выражают достаточно часто.

Скажем, уже цитированный выше Рам М. Тамм в качестве одного из недостатков учения дона Хуана называет «страсть к жизни», именуя его изначальным «кармическим комплексом». Отсюда – невозможность высоких духовных достижений, ибо карма не преодолена, не «изжита» и т. д. На этом примере мы ясно видим, насколько узко и однозначно понимается духовность большинством современных мистиков. Единственно достойная для них цель – устранение из трагического круговорота иллюзий и переход в некую высшую апатию, отмеченную невыразимым блаженством и (если уж говорить честно) абсолютной бездеятельностью. Только такой процесс в их представлении может считаться «духовным развитием». Легко заметить, сколько понятий, свойственных только определенному типу культуры, вовлечено в это туманное, но благородное слово. Лишь благодаря нашему удивительному самомнению «духовность» оказывается критерием истины при исследовании головокружительной бездны бытия. Настолько ли мы проникательны, чтобы доверять самодельной мечте и под нее кроить мироздание?

Например, центральной мифологемой большинства духовных учений Востока является «возвращение к источнику». Такой «путь назад» тоже сплошь и рядом принимают за свидетельство духовности предлагаемой доктрины. О чем, собственно, идет речь? Бесконечность развития, столь высоко ценимая человеком, здесь превращается скорее в фикцию, ибо декларируемая идеальная цель – не только отречение от эго, а полное возвращение в изначальную безличность: То, Брахман, Шуньята, Абсолют и т. п. Конечно, можно найти немало метафизических спекуляций, оправдывающих необходимость «индивидуализированного» эпизода в истории эволюции Духа, чтобы затем ему (Духу) вернуться в конце концов к первичной импер-

сональности. Однако и здесь трудно понять, почему мы должны удовлетвориться словесными играми на этот счет и почему высшим достижением человека надо полагать возвращение к отправной точке. Верно заметил Рам Дасс в своей книге «Зерно на мельницу»: «Жутковато становится, когда начинаешь растворяться в Пустоте». Но: «Прекрасно, когда возвращаешься к Богу».

Странным образом сюда подключается сострадание ко всему живому, и вот уже готова очень красивая, но столь же безосновательная мысль: «Единственная причина, по которой совершенно свободная сущность предпочла бы остаться внутри иллюзии, – это для того, чтобы облегчить страдания всех существ»⁵. Так всему основой становится бхакти, Космическая Любовь, а по выражению самого автора – «оргазм души». И дело совсем не в том, заключена ли истина в подобных, уже давно ставших тривиальными идеях – кто знает, может, реальность именно такова. Гораздо важнее просто понять, что у нас нет оснований исходить из подобных умозаключений. Верны они или нет, в них – только отражение человеческих чаяний и грез. Именно об этом неоднократно напоминает дон Хуан в книгах Карлоса Кастанеды.

Обычно мы ищем у духовных учителей спасительной, утешающей вести. Спрос, как известно, рождает предложение, так что в подобных проповедях давно уже нет недостатка. Если же речь заходит о подлинном поиске, мало кому захочется оставить уютные фантазии и скитаться на ощупь в абсолютной безбрежности. «Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более – действовать в соответствии с тем, что они услышали», – говорит дон Хуан (IV). А потому идеи мессианства должны быть напрочь отброшены сразу. «Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников и что никто не может распространять учение, – сказал он» (IV).

Однако заявлять подобные вещи – значит противоречить очевидным фактам. Никто не может распространять учение, но оно все же сохраняется и традиция живет. «Избрать тебя было решением силы, – объясняет дон Хуан. – Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты избран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить исполнение этого плана» (IV).

Конечно, это только «способ говорить» о невыразимом. Дон Хуан не принимает идею Бога, а потому не может сослаться на «промысел Божий» или на стремление Духа к самореализации. Он знает, что правильнее всего говорить просто о силе, которая, конечно же, безлична, но по совокупности своих эффектов может вызвать представление о действующем разуме. Потому и возникают условные выражения типа «планы силы» или «сила решает».

Впоследствии читатель легко убедится, что подобные метафоры в речи дон Хуана существуют лишь для краткости объяснений, а сами объяснения служат чаще всего только намеком на лежащее по ту сторону слов.

Книги Карлоса Кастанеды пытаются противопоставлять подлинно «духовным» учениям еще по одному любопытному признаку – по отношению личности к «высшей силе», т. е. Божественному и Его предназначениям. Как-то мне даже довелось услышать, что последователи дон Хуана являются врагами Божества, так как не желают принимать участие в исполнении Его воли. Как вы понимаете, речь шла о вполне конкретных идеях, которые без малейших сомнений объявлялись грандиозным замыслом Самого. Мы достаточно сказали об опасности человеческих истолкований Непостижимого, так что нетрудно будет понять, почему дон Хуан, называя аспекты Реальности, прибегает к предельно отвлеченным словам: *сила, намерение, абстрактное*. Тем не менее противостояние космосу и бунтарский волюнтаризм личности, которые порой приписывают учению дон Хуана, на деле совершенно ему несвойственны.

Достаточно вспомнить, к чему сводится овладение намерением (книга «Сила безмолвия»): «С точки зрения своей связи с *намерением* воин проходит через четыре ступени. Первая

⁵ Baba Ram Dass. *Grist for the Mill*. N. Y., 1976.

– это когда его связующее звено с намерением является ненадежным и ржавым. Вторая – это когда он преуспевает в его очищении. Третья – когда он учится манипулировать им. И наконец, четвертая – когда он учится следовать предназначениям *абстрактного*».

Шри Ауробиндо говорит о том, что мы должны стать «орудиями Божества». Это одно и то же, за исключением довольно существенного момента: употребляя понятие «Божество», мы склонны приписывать ему свои представления о том, какими путями оно движется, *абстрактному* же – ни в коей мере. Сам выбор слова в системе дона Хуана подчеркивает крайнюю степень удаленности от человека этой безличной силы.

В другом месте дон Хуан называет *абстрактное* духом и объясняет роль Нагваля, руководителя группы «магов», следующим образом: «Я уже говорил тебе, что Нагваль является проводником духа, – продолжал он, – поскольку он на протяжении всей жизни безупречно устанавливает свое связующее звено с намерением, и, поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить духу проявляться через него» (VIII).

Проводник духа – это звучит вполне благопристойно даже с точки зрения самых непрклонных блюстителей подлинной «духовности». Но в системе дона Хуана нас спасает от неминуемых заблуждений полное неведение насчет того, что есть дух и каким способом он осуществляет себя. Как ни парадоксально, сделать что-либо правильно мы можем лишь в том случае, если позабудем о правильном и неправильном, ибо в наших представлениях об этом слишком мало истины.

Оттого наши стремления к всеобщему добру так часто приводят к несчастьям и страданиям человечества. Как только мы убедили себя, что знаем путь к счастью, замысел Всевышнего в нашем исполнении оборачивается катастрофой. Это хорошо понимали еще древние даосы. Как пишет В. Малявин, исследователь творчества Чжуан-цзы, «исток насилия – в самом стремлении гипостазировать ценности, помыслить сущности, опредметить себя и мир. Зло, утверждали даосы, появляется в тот момент, когда начинают призывать делать добро ради добра... (Чжуан-цзы) гневно клеймит этих любителей красивых фраз о «гуманности», «справедливости», «культурных достижениях» и т. п., которые не замечают или не желают замечать, что общество, в котором они проповедуют, превращено с их помощью в толпу колодников, ожидающих лишь своей очереди положить голову на плаху».

Интересно, отдают ли себе отчет многие «учителя духовности», насколько их призывы способны привести к подобным последствиям? Дон Хуан, в отличие от сумасбродных пропагандистов массового духовного просветления, никого не зовет строить Царство Истины, от которого странно пахнет то ли фашизмом, то ли коммунизмом. Даже небольшие вмешательства в естественный ход вещей он отвергает, хоть и не читал мудрого Чжуан-цзы.

«Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы люди стали более гармонично относиться к светимости осознания.

– Нет, – ответил дон Хуан. – По крайней мере, видящие не могут сделать ничего. Цель видящих – свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными созерцателями, способными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за открытие нового, более гармоничного цикла бытия. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе» (VII).

Мы не возьмемся определить, можно ли считать такой подход к социальным проблемам человечества «духовным», но одно ясно наверняка: в учении дона Хуана нет призывов делать «добро ради добра», а значит, оно не посеет зла.

почти фантастических событий. Чего стоят одни лишь поразительные фокусы дона Хенаро, путешествия в «теле сновидения», загадочные явления мистических «союзников» или знаменитый прыжок в пропасть, в результате которого Кастанеда не только не разбивается, но посещает какие-то странные миры, чтобы в конце концов вернуться в нашу общую реальность на расстоянии сотен миль от места рокового прыжка! А телепортации, которые Карлос осуществляет с помощью дона Хуана? Или раздвоения Хенаро, одновременно мирно почивающего в своей далекой хижине на другом конце Мексики и демонстрирующего гипнотические трюки перепуганному антропологу?

Нет слов, в такие события трудно поверить трезвомыслящему и «цивилизованному» читателю. «Думаю, эти книги представляют собой в основном плод фантазии», – утверждал в свое время Йезус Очоа, заведующий этнографическим отделом мексиканского Национального музея антропологии. А доктор Фрэнсис Снэпс из Северо-Западного университета США заявил: «Кастанеда – это новая игрушка. Я получил от его книг огромное удовольствие, такое же, как когда-то от «Путешествий Гулливера». Однако бывшие коллеги Кастанеды из Калифорнийского университета, которые присвоили своему выпускнику степень доктора наук за «Путешествие в Икстлан», негодуют, когда слышат подобные высказывания.

Один из профессоров этого заведения назвал Кастанеду «гением, которому удалось поколебать привычные ценности и предрассудки». Среди тех, кто не сомневается в достоверности книг Кастанеды, – Майкл Мэрфи, основатель известного института по изучению проблем развития человека, крупные ученые и исследователи, такие как Алан Уотс и многие другие.

И как это всегда бывает, если речь заходит о мире на границе интеллектуальной познаваемости, а то и вовсе за ее пределами, здесь возможны две принципиально полярные точки зрения: *реализм* и *идеализм*.

Вопреки устоявшемуся мнению, именно философский идеализм оказывается в нашем случае непримиримо консервативным, а *реализм* (не ортодоксальный материализм!) способен принять в качестве материала исследования феномены, явно не укладывающиеся в традиционное описание мира. Следуя гносеологической установке реализма (т. е. предмет познания реален и независим от сознания и познавательных актов), мы открываемся бесконечному числу углов зрения на реальность, неизбежно полагая ее неисчерпаемой и непредсказуемой для познающего разума. Опыт мыслительной машины человека здесь не критерий и не опора, а лишь некое освоенное изнутри пространство, в определенной части своей субъективное, в другой же – объективное, но никто не дал нам бесспорной меры для начертания границ между ними.

Философский идеализм в строгом понимании гегельянца не терпит объявившейся пропасти между субъектом и источником переживания бытия – для него мир имеет смысл только как чрезмерная объективация Логоса, а сам переживающий – как единичная субъективация Логоса. Такой предельно однородный мир прост в обращении, но держится все-таки на умозрительной посылке, вряд ли для исследователя удовлетворительной. Абсолютная экспансия Логоса на деле оказывается интеллектуальной ловушкой. Попав в нее, мы обречены видеть реальность однозначно, предсказуемо и даже механистично, ибо все, созданное человеческим разумом, – механизм: отдельные цепи его могут быть недостроены, отдельные узлы неотчетливо разработаны, но сам принцип в любой миг готов лечь раз и навсегда установленным штампом на всякую доселе невиданную деталь.

Для подобной конструкции мысли события, изложенные в книгах Кастанеды, зачастую невозможны, как неприемлемы исходные положения, декларируемые доном Хуаном. Но если мы не ищем подтверждения уже привычных философских максим, а пробуем на свой страх и риск исследовать материал изнутри, полагаясь лишь на чистое переживание безразличного ко всяким концепциям опыта, то вопрос об «исторической» подлинности кастанедовского путешествия перестанет быть вопросом документальности, фиксированности фактического мате-

риала. За пестрой канвой событий, которыми переполнены книги этого автора, мы разглядим единый, непротиворечивый комплекс идей, и каждый эпизод, даже самый неправдоподобный, окажется иллюстрацией этого комплекса, его прямым либо косвенным подтверждением, логическим продолжением и развитием.

Даже там, где Кастанеда отвлекается на время от изложения теории и практики дона Хуана, все в изображаемом мире с неизменной убедительностью говорит «да» размышлениям индейского учителя из племени яки. И нам уже не важно, летал ли дон Хуан «подобно воздушному змею», мы просто *понимаем*, что для подобных вещей нет преград, нет препятствий, ибо преграды сняты – и не магической «суггестией» одаренного гипнотизера, который всякого может заставить гулять в «кущах небесных», а самой установкой к бытию, предельно последовательной и даже философски – безупречной. Именно здесь, а не в головокружительных «фокусах», заключен подлинный вызов человеческому существу, урок и предмет для исследования.

Мы не знаем наверняка, что происходило на самом деле с Карлосом Кастанедой во время его многочисленных поездок в Сонору. Однако всей своей книгой мы намерены показать читателю, что описанные им события действительно могли иметь место, а это, пожалуй, важнее биографических изысканий репортеров. Нас интересует сущность предложенного пути и новый взгляд на природу человека и мира. Мог ли автором подобных идей оказаться сам Кастанеда? В таком случае, позвольте мне считать его гением. На вопрос Сэма Кина (интервью *Psychology Today*) Карлос ответил:

«Идея, что дон Хуан – плод моего воображения, совершенно нелепа. Для изобретения такой фигуры мой воспитанный в западноевропейской традиции интеллект попросту непригоден. Я ничего не сочинил. Я всего лишь рассказчик. Я даже не был готов к тем радикальным изменениям в своей жизни, которых с необходимостью потребовало дальнейшее развитие нашего знакомства».

Действительно, книги Кастанеды демонстрируют процесс значительного изменения в сознании самого автора, что довольно трудно имитировать при написании художественных сочинений. Мы легко можем проследить, как идеи и понятия, воспринятые Кастанедой из общения с доном Хуаном, в сознании автора претерпевают радикальную трансформацию. То, что в первых книгах кажется главным, все более отходит на задний план, а вскользь упомянутое и вроде бы незначительное вдруг оказывается в центре внимания, определяя весь ход «ученичества».

Конечно, скептиков хватает. «Цивилизованное» здравомыслие, которое на деле часто оказывается обычной узостью ума и душевной ленью, любит позубоскалить над всем тем, что ему не по вкусу. В США опубликовано уже несколько пародий на Кастанеду. Новые критики сравнивают дона Хуана с мифическим Оссианом – вымышленным галльским поэтом III в. н. э., чьи труды в действительности сочинил в XVIII в. Макферсон, ловко мистифицировав всю «культурную» публику. Немало и завистников. В самом деле, кому из антропологов прежде удавалось достичь такой ошеломляющей популярности – миллионные тиражи и такие же гонорары, бесплодные попытки Голливуда договориться с автором о съемках фильма и т. д.? Даже великий Феллини в свое время безуспешно гонялся за Карлосом по всей Америке, но и он получил отказ. Само собой, кое-кто из коллег уже не мог равнодушно глядеть на этого «выскачку».

Но предметом нашего исследования вовсе не является личность Карлоса Кастанеды – доктора антропологии и бывшего профессора Калифорнийского университета. Мы намерены по возможности подробно рассмотреть тот космос, что явлен в его книгах; оценить и проанализировать основополагающие идеи, наиболее важные элементы праксиса, попытаться выявить внутреннее родство мировоззрения *нагвалей* с некоторыми подходами мирового мистицизма к проблеме постижения истины. Мы хотели бы также сделать для всех очевидной уникаль-

ность учения дона Хуана и его чрезвычайную важность для изучения великой тайны человека и бытия, тем более что его роль по-прежнему остается предметом спора в ученом обществе.

Кроме того, насущная необходимость проведения данного исследования связана и с определенным практическим моментом. Информация, предоставленная читателю Карлосом Кастанедой, расположена в том виде и порядке, каковые отражают, в первую очередь, становление самого автора. И не всегда легко разобраться, какое место занимает тот или иной элемент в системе – ведь зачастую этого не понимает сам Кастанеда. Из книги в книгу он поправляет себя, расставляет более верные акценты, но читателю трудно уследить за всеми перипетиями такого созревания. Помимо этого, многие дидактические приемы дона Хуана, особенно в первых книгах, остаются нерасшифрованными, и это еще более усложняет восприятие целого. Я взял на себя смелость систематизировать разрозненный материал и предложить комплексный метод его интерпретации.

Немалую помощь в этом специфическом анализе автору оказал личный опыт «внутреннего» изучения измененных состояний сознания, придавший его оценкам определенную степень уверенности. Хочется верить, что этот сложный материал станет немного яснее для тех, кто, как и мы, тщится разгадать самую великую Тайну – тайну внутри нас и вне нас. «Дон Хуан повернул мой взор вовне и научил меня видеть великолепие мира», – сказал Кастанеда.

Оказаться без посредников, лицом к лицу с этой могущественной тайной бытия, ощутить, наконец, нашу способность и наше право говорить на равных со всей грандиозностью мироздания – быть может, именно это исцелит человека от его вечной хандры и безвольных скитаний по мифам? По крайней мере, дон Хуан думает так. «Это единственный способ уравновесить ужас перед тем, что ты человек, и восхищение тем, что ты человек».

*Тени разума, бессмысленные и назойливые, ополчились на меня;
их несметное множество составляло некое подобие мира, и, чтобы
избежать смятения, каждому призраку дал я имя, каждому приписал
сложные законы существования. Теперь они реальны, а я – нет. Только
в редкие минуты чистого сознания вспоминаю я, что это просто тени,
и тогда гоню их прочь.*

Даниэль. О созерцании

Глава 1. Тональ и нагуаль

Рассуждая отвлеченно, мы все, конечно, знаем, что мир не исчерпывается тем, что в нем уже известно и знакомо, что познано нами, а, напротив, бесконечно шире и содержательнее всего нам уже известного. Но на практике нашего познавательного отношения к миру и – более того – нашей общей установки к бытию мы все склонны жить в «привычном», т. е. уже известном, – жить так, как если бы мир им и кончился.

С. Л. Франк. Непостижимое

1. Res integra⁶

Обращаясь к знанию дон Хуана – знанию, принципиально незнакомому в традиционном культурном контексте и шокирующему в своем последовательно применяемом виде, – мы с самого начала вынуждены признать ложность исходных посылок в отношении к бытию у так называемой «современной личности».

На протяжении сотен и сотен страниц мы наблюдаем, как дон Хуан методично и беспощадно разрушает не только привычное мировоззрение, но и само мироощущение, миро-переживание Кастанеды. Нам, разумеется, не повторить процесса, но, если мы хотим иметь хотя бы частичное представление о характере и целях столь странной (может быть, даже опасной и вредной?) работы и решились узнать, отчего «перепаханный» таким способом субъект делается магом, надо, пожалуй, вначале поразмыслить над сверхценной идеей, составляющей фундамент нашего, человеческого космоса.

Эта идея настолько прочно занимает центральное место в сознании, что вовсе не бросается в глаза, оставаясь аксиоматичным фоном всякой деятельности и всякого отношения. Это не конструкт, не комплекс, не программа личности – но во всем она универсальный элемент, так как удерживает, крепит, вяжет воедино разнообразные продукты нашего «Я».

Мы говорим об идее *целостности* себя и мира. Подразумевая таковую целостность, мы как бы сохраняем открытость вовне (что соответствует нашему представлению об адекватности), т. е. готовы признать, что как в мире, так и в нас самих несомненно присутствуют элементы, связи и даже целые области, нами еще не познанные, не усвоенные, сущие «в себе».

Прагматическое отношение к ним индивидуально: когнитивный энтузиазм в данном случае мало отличается от консервативной неприязни скептика, ибо каждый раз *целостность* торжествует – либо принимая в себя новое множество, либо отвергая раздражающее усложнение. Прежде и помимо всего нас интересует целокупность, единство и *однородность*, будь то в применении к картине вселенной или к переживанию собственной личности.

По сути, мы всегда исходим из двух взаимно представленных друг другу образов (само слово «образ» уже содержит представление о некоей обрамленности, внутри которой для нас всегда заключено *целое*): Реальности, что для нас есть всеобщий и универсальный Объект, Целокупное «То», – и «Я» – во всем спектре, во всей распространенности объема внутри нас, начиная с трудно вычлениваемого корня (*Ichheit* Якоба Бёме или Атман ведических риши) и заканчивая ряженным в гримасы обличьем, где вечно гуляют заботы и смятения, внутренний разлад и скука.

⁶ Вещь целостная (лат.).

И первое, и второе – *res integra*, и именно так предстают они перед нами в первичном и уже неустранимом переживании, сколь ни предавайся абстрактному анализу впоследствии, сколь ни рисуй схемы и механизмы.

Конечно, чувство целостности должно было иметь начало еще во младенчестве, когда нерасчлененность восприятия в значительной мере определяла характер опыта. И если уж говорить о реализации идеи целокупности, то именно в первые годы жизни большинство из нас смогло значительно приблизиться к ней – хотя еще сама идея не рождалась, а царила безраздельная свобода чувствования.

Из воспоминания об этой свободе сохранилась только беспрекословная уверенность в *целом* мире и *целом* себе. По мере роста мы хранили и храним ее на дне своего существа, питая иллюзию в целях самосохранения – ведь на самом деле ситуация давно изменилась, как ни трудно себе в этом признаться.

За всю историю существования своего вида человек так основательно разбил первоначальную целокупность опыта, что, кажется, не осталось ни одной области, куда бы ни проник скальпель торжествующего анализа. Сама природа *внимания* – основополагающего инструмента разума – всегда несла с собой расщепление, разъятие целостности, вычленение компонентов, усиление либо вытеснение их.

Наш внутренний мир на этом пути подвергся разделению не в меньшей, а быть может, и в большей степени, чем мир внешний. Социализация человека и стремительное усложнение среды сделали нас скопищем поведенческих механизмов, которые, переплетаясь с биологически обусловленными структурами психики, стали функционировать в сложном, противоречивом и далеко не всегда осознаваемом поле. Рассматривая личность как совокупность программ (этот подход в современной психологии достаточно популярен), мы особенно четко можем видеть неоднородность психики, ее постоянную внутреннюю конфликтность, что и есть на самом деле разрушение целостности. Даже простейшее разграничение внутреннего мира на *бессознательное*, *сверхсознательное* и *сознание* красноречиво указывает на тот же симптом.

Постоянное присутствие в нас областей, эффективно функционирующих, но не поддающихся ни восприятию, ни, тем более, контролю, – факт, уже ставший привычным. Мы смирились с внутренней темнотой, так же как прежде смирились с темнотой внешней. Но и область так называемого ясного сознания – вечное поле битвы разнообразных импульсов, желаний, мотивов, взглядов и т. д.

Древнейшим разрывом единства в переживании «Я» явилась дихотомия тела и духа – своеобразный корень практического мировоззрения «цивилизованного» человека. Само становление цивилизации и культуры оказалось неразрывно связанным с осознанием этой первейшей двойственности: из анимизма росли древние религии, определяя затем мифологию, философию, мистику – словом, весь строй жизни, установку личности по отношению к собственной судьбе. Тело все более превращалось в инструмент, обособлялось и тем самым омертвлялось задолго до естественного разложения в прах. Именно здесь, на уровне тела, пролегла четкая граница между «Я» и миром. Составляя часть описания *внешнего*, наше тело разделило судьбу тотальной дезинтеграции Реальности, Объекта.

Мы разбили восприятие на фрагменты, опредметили их, после чего каждую отдельность наделили «человеческим» значением и погрузились в сотворение классификаций и схем. Из переживания мир все больше становился описанием, и этот процесс своим непосредственным продуктом имел *язык* – неоспоримое свидетельство нарастающей дискретности опыта. Вычленение и изоляция повторяющихся перцептивных рядов привели к возникновению идеи закономерности, а затем – закона. Так в раздробленный мир вносился порядок, основу для которого мы всегда находим в обусловленности собственного восприятия.

К настоящему времени специализация познавательной деятельности человека привела к оформлению целого ряда довольно изолированных описаний внешнего мира: бытового, науч-

ного, философского, религиозного, мистического или оккультного и т. д. Каждое описание детерминировано собственными условностями, многократно наложенными друг на друга, и бесконечно далеко от Реальности, давшей когда-то почву для его рождения. При этом непротиворечивость каждой картины подкрепляет ее иллюзорную адекватность. И над этим разнородным шумящим морем немым светилом маячит обобщающее переживание целокупности, с которого все начиналось.

Конечно, психологически жизнеспособным человек может быть только исходя из единого описания мира и единого описания себя. Ибо не устоит царство, разделившееся само в себе. Каким же образом достигается подобное «единство»? Опять же, благодаря специфике нашего внимания.

Именно внимание актуализирует центральный корпус идей о себе и о мире, сложившийся в результате внешнего научения и внутренней предрасположенности индивидуума, неустанно подкрепляет его подтверждающими переживаниями, одновременно игнорируя (сводя к нулю) переживания, этому корпусу противоречащие либо излишние для него. Таким образом творится мнимый *res integra*, без которого не может существовать «Я».

Внимание совершает грандиозную работу, неустанно отсеивая, вычленяя, усиливая, собирая и демонтируя внешние воздействия. Можно сказать, почти вся энергия личности подчинена этому кропотливому и неизбежному труду.

Дон Хуан, обучая Кастанеду, все время обращается к описанию мира как психическому продукту его внимания – трансформирует, разрушает и пересотворяет «мир» Карлоса.

В магическом знании для того сложного предмета, который мы вкратце здесь попытались охарактеризовать, есть специальное имя – тональ.

2. Описание мира: истинная пара

Итак, фундаментальной задачей учения дона Хуана является восстановление подлинной целостности восприятия себя и мира. По-видимому, это единственный путь к постижению Реальности, а значит, и к освоению ее. Как мы увидим позже, любые попытки такого постижения, основанные на иных послылках, оказываются окольными дорожками, ведущими лишь к частичному и искаженному отображению целокупного бытия, отчего и практический их эффект зачастую бывает противоречивым и сомнительным. Ведь традиционный мистицизм чаще всего предлагает не Реальность саму по себе, а просто вариант описания мира, который может быть сколь угодно привлекательным, оставаясь таким же замкнутым и ограниченным, как всякое иное описание – бытовое, научное и т. д.

Мы постоянно сталкиваемся с новыми вариациями на ту же тему, когда знакомимся с сочинениями современных духовидцев или рассуждениями философствующих экстрасенсов. Случаи сознательного шарлатанства нами вовсе не рассматриваются, так как не свидетельствуют ни о чем, кроме изобретательности обманщиков. Но и искреннее желание объяснить мир на основании расширенного восприятия или необычного опыта заранее обречено на блуждание в мифе, пока у наблюдателя нет четкого осознания обусловленности собственных перцептивных механизмов.

«Первым действием учителя является внушить ему (ученику) идею, что знакомый нам мир является только видимостью, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказывать это своему ученику. Но принять эту идею является самой трудной вещью на свете. Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все. Учитель с самого первого своего действия направлен на то, чтобы остановить этот взгляд» (IV).

Очень важно понять, что эти слова касаются не только тех, кто постоянно пребывает в ординарном состоянии сознания. Люди, которым доступны необычные «переживания», не должны думать, будто этим их взгляд уже «остановлен», а описание мира преодолено. Только последовательная, целеустремленная работа над изменением познавательной установки, включающая в себя глубинную трансформацию психики, позволяет вернуть восприятию непосредственность, снимающую все ограничения описаний.

Реальность скрыта от нас за плотной стеной описания мира. Именно в этом причина отсутствия целостности, причина нашей рабской зависимости от узости собственных идей:

«Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением.

Он наклонил голову и взглянул на меня искоса, потом усмехнулся.

– Ты с ума сошел, – сказал он. – Здесь тебе полагается задавать вопрос.

Я засмеялся. Так или иначе, его предупреждения об объяснении магов, плюс представление внушающих благоговейный ужас масштабов его осознания начали наконец оказывать на меня свое воздействие.

– Что за вопрос мне полагалось задать?

– Если то, что мы видим на стенках, является нашим отражением, значит, то, что отражается, должно быть реальной вещью, – сказал он, улыбаясь.

– Это хороший довод, – сказал я шутливым тоном.

Мой разум мог легко принять этот аргумент.

– Это отражение является нашей картиной мира, – сказал он. – Эта картина – описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывалось захваченным ею и описание не стало взглядом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот взгляд, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи.

Он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

– Каким должен быть мой вопрос?

– «Почему пузырь должен быть открыт?» – ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал:

– Это хороший вопрос.

– Конечно! – воскликнул он. – Он должен быть хорошим для тебя, потому что он – один из твоих собственных.

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, – продолжал он. – Естественно, что назвать это «пузырем» – только способ говорить. Но в данном случае это очень точный способ» (IV).

Когда все наше внимание оказалось «захваченным» внушенным описанием мира, клетка захлопнулась. В этот момент мы окончательно становимся людьми и теряем свободу. Для нас привычно рассматривать генезис человеческой личности как процесс обогащения, расширения и упорядочивания опыта, и мы вряд ли задумывались над тем, что с определенной точки зрения такой рост может выглядеть умалением, а развитие – деградацией. Растет и усложняется в нас именно описание мира: деталей становится больше, количество связей возрастает, элементы приобретают твердую однозначность. Нетрудно понять, что само восприятие в результате делается у же и беднее. Ибо непосредственным эффектом развития и его эволюционной целью оказывается устойчивость картины мира, что обеспечивается игнорированием того поля ощущений (переживаний, восприятий), которое в данную картину не входит.

Всякий вводимый в описание элемент есть плод усечения определенной области переживания до единичного сигнала с заранее обусловленным содержанием, то есть сведение поля в точку. Так формулируется далеко ведущий парадокс человеческого развития: каждый новый шаг в разработке описания мира обедняет переживание и ограничивает опыт. Подобную динамику можно проследить как в эволюции отдельной личности, так и в развитии цивилизации вообще.

У этой проблемы есть и другой аспект – энергетический. В системе дона Хуана этот аспект играет необыкновенно важную роль, так как любые достижения на пути магии возможны лишь при наличии специфической энергии.

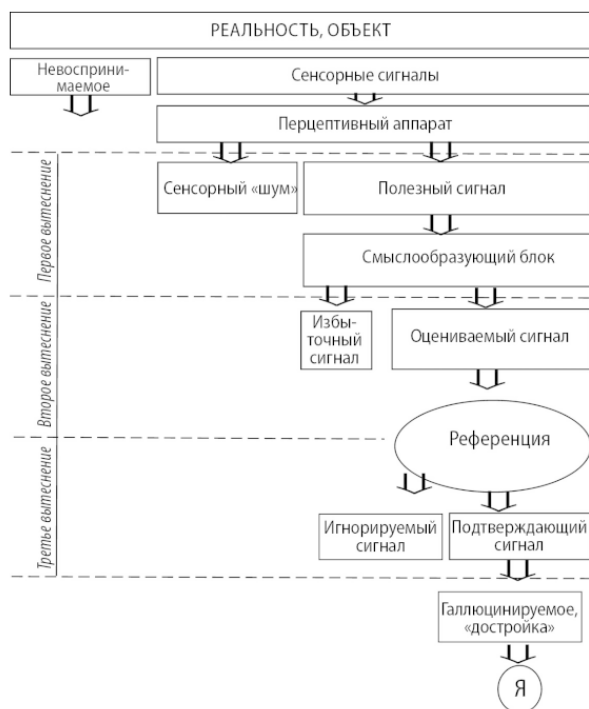
Вот как о роли описания говорит дон Хуан, используя уже иную терминологию:

«Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков изменяется. Определенному времени соответствует определенная форма, определенный узел из бесчисленного количества энергетических полей. И овладение модальностью времени – этими несколькими избранными полями – отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля» (VIII).

Понять, почему дело обстоит таким образом, можно, если мы вспомним о масштабах работы, совершаемой в процессе восприятия. Даже элементарный акт перцепции является плодом усилий сложного и неосознаваемого механизма. Для того чтобы стать полноценным компонентом нашего описания мира, внешний сигнал подвергается многочисленным и разнообразным процедурам – трансформациям столь значительным, что поневоле приходишь в изумление: насколько ничтожна связь нашего внутреннего мира с Реальностью! Какою мерою можно оценить глубину той пропасти, что разверзлась между нами и вездесущим Объектом? А ведь мы сами – его неотъемлемая часть, взгляд, направленный изнутри Реальности на все ту

же Реальность, но взгляд бесконечно искусственный, последовательно искаженный, доведенный до абсурдной слепоты.

На рисунке я попытался изобразить максимально упрощенную модель человеческого восприятия. Современная психология знает немало подобных схем, но подлинный масштаб искажений сенсорной информации, проходящей через данный механизм, остается предметом дискуссий и является, собственно говоря, проблемой не столько психологической, сколько философской – одним из тех «проклятых вопросов», к разрешению которых по сей день нельзя даже подступиться. Дон Хуан, презирующий всякую метафизику и опирающийся исключительно на непостижимый опыт «магической» практики, считает, что искажения почти полностью скрывают от нас облик мира. На мой взгляд, с этим трудно поспорить. Обратите внимание на то, какой тернистый путь преодолевает сенсорный сигнал для полного (или же частичного) усвоения психикой.

Модель перцептивного аппарата человека

С самого начала мы вынуждены признать, что перцептивный аппарат человека ограничен. А это значит, что некоторая (быть может, бесконечно значительная) часть Реальности остается вовсе недоступной восприятию.

Невоспринимаемое буквально пронизывает мир, existing в самой непосредственной близости от человека, но никак с ним не пересекаясь. Всеми способами наука стремится проникнуть в невоспринимаемое – приборами, экспериментом, интеллектуальным моделированием, – однако кто знает, насколько она преуспела в этом?

Легко можно проследить, какая часть сенсорной информации, доступной нашему аппарату и полученной им, отсеивается сразу же, утопая в аморфном пространстве бессознательного. Это так называемый сенсорный «шум» – лишённые всякого смысла сигналы, лежащие в стороне от луча внимания, осмысление которых специально не производится. В серии тройного вытеснения «шум» отсеивается в первую очередь. Здесь следует помнить, что только внимание определяет, что в данной ситуации «шум», что – полезный сигнал.

То же самое происходит на остальных уровнях вытеснения. Например, для здорового человека скорость и характер сокращений его сердечной мышцы почти всегда является сенсорным «шумом», восприятие которого полностью бессознательно. Но в случае серьезной озлобленности болезнью сердца такая информация быстро может стать полезным сигналом, а в «шум» превратится что-нибудь другое.

Дальше полезный сигнал поступает в смыслообразующий блок, где формируются комплексы или пучки сигналов одновременно с их «узнаванием». Полезный сигнал осмысливается, т. е. наделяется значением согласно заготовленному списку. Мы не будем сейчас рассматривать, откуда берется такой список – об этом речь впереди. В данный момент важно лишь иметь в виду, что процесс наделения смыслом является, возможно, самым сложным и энергоемким моментом в механизме восприятия.

О том, каким именно образом это происходит, ученые рассуждают давно, разрабатывая многообразные версии и модели. Сам Кастанеда явно отдает предпочтение теории «глосс» Т. Парсонса. «Описание подхода к пониманию магии содержится в идее Толкотта Парсонса о глоссах, – говорит он в беседе с Сэмом Кином на страницах *Psychology Today*. – Глосса – это тотальная система восприятия и соответствующих средств артикулирования. Например, эта комната является глоссой. Мы соединили в синкретическом целом ряд изолированных восприятий – пол, потолок, стены, окно, освещение и т. д. – и этим создали нерасчленимую целостность. Но нас следует определенным образом обучить, чтобы так собирать мир». Если следовать данной терминологии, то глоссировка производится именно в смыслообразующем блоке.

По окончании этой работы определенный объем информации оказывается просто излишним. На данном этапе и происходит второе вытеснение, на сей раз в подсознательное. Следующий процесс – референция, то есть оценка осмысленного сигнала, – для своего успешного протекания нуждается не во всем комплексе (пучке) собранного восприятия, а лишь в отдельных параметрах, по которым должна производиться оценка. И в этом случае сложность механизма обусловлена подвижностью внимания, что, в свою очередь, непосредственно связано с изменениями мотивации. В каждый отдельный момент мы сознательно воспринимаем лишь то, что оцениваем. Но и здесь работа не заканчивается. Произведенная референция порождает третье вытеснение – устранение сигналов, в той или иной степени противоречащих избранной оценке.

К несчастью, человек мало способен работать с неоднозначным материалом, полным внутренних конфликтов и парадоксов. Третье вытеснение особенно легко заметить в межличностных отношениях, так как именно в общении с себе подобными человек глубже всего погружен в оценочность. Психотерапевты хорошо знают это явление: если клиент уверен, что кто-то к нему относится отрицательно, то любое поведение данного лица, противоречащее такому убеждению, он, скорее всего, не заметит. Впрочем, референтный аспект перцепции универсален, и его результаты можно проследивать постоянно.

Итак, на выходе из референтного блока мы получаем информацию настолько ущербную и однобокую, что всякий образ, построенный на ее основе, должен страдать явной и всесторонней недостаточностью. Почему же такая недостаточность ускользает от нашего внимания и, более того, кажется совершенно неочевидной в большинстве случаев? Механизм, с таким успехом скрывающий убожество нашего восприятия, Гриндер и Бэндлер удачно назвали «галлюцинированием». Мы же можем именовать его, например, достройкой. Ибо все утраченные, отсутствующие после вытеснений компоненты заменяются при помощи продуктивной части перцептивного аппарата сконструированными, достроенными, чтобы неизменно сохранять иллюзию целостности, о которой мы уже достаточно сказали выше.

«Галлюцинирование» делается явным, когда человек, исходя из собственных предубеждений, начинает приписывать людям или объектам характеристики и действия, не существующие в реальности. В таких случаях говорят: он видит то, что хочет видеть. Окружающим

часто трудно понять, откуда у подобных людей столько упрямства и убежденности – нам никак не верится, что они именно галлюцинируют, т. е. воспринимают несуществующее как реальность. Мы поневоле хотим думать, что это сознательное искажение, обман и тому подобное. К несчастью, здесь оказывается пораженным сам процесс восприятия, протекающий вне области ясного сознания, так что переубеждение этих упрямцев наталкивается на почти непреодолимые трудности.

Известный эксперимент Постмена и Брунера очень убедительно демонстрирует универсальность процесса достройки («галлюцинирования») во всех актах перцепции. Брунер и Постмен обращались к испытуемым с просьбой идентифицировать игральные карты, которые можно было видеть в течение очень короткого и тщательно измеренного отрезка времени.

В основном это были обычные карты, но попадались и «аномальные». Например, красная шестерка пик или черная четверка червей. Даже при самом коротком предъявлении большинство испытуемых правильно идентифицировали почти все нормальные карты. Что же касается аномальных, то они чаще всего без колебаний идентифицировались как нормальные. Черную четверку червей принимали либо за черную четверку пик, либо за красную четверку червей. При этом испытуемые вовсе не высказывали своих предположений, они называли то, что действительно видели.

Это подтвердилось следующим образом. По мере увеличения длительности предъявления аномальных карт, испытуемые начинали колебаться, выдавая тем самым некоторое осознание аномалии. При предъявлении им, например, красной шестерки пик они сообщали следующее: «Это шестерка пик, но что-то в ней не так... У черного изображения края красные» (!). Поистине, мы находимся в «пузыре восприятия» и видим на его стенках то, что сами сконструировали внутри себя. При этом наш аппарат использует три пары способов воздействия на полученный сигнал:

вычленение (изоляция) – вытеснение,
усиление – ослабление,
комплексация (сборка) – игнорирование.

Таким образом, мы склонны согласиться с доном Хуаном: грандиозный механизм восприятия неминуемо должен потреблять львиную долю психической энергии индивида. Обратной стороной этого процесса, еще более энергоемкой, оказывается *эмоциональное реагирование* как результат *вовлеченности* субъекта в переживаемое им «галлюцинаторное» описание мира, но это уже эффект, последствие работы *тоналя*, о чем я подробнее скажу ниже.

Итак, для того, чтобы всерьез взяться за восстановление подлинной целостности своего существа (т. е. необусловленного восприятия в чистом виде), мы имеем две достаточно веские причины: когнитивную (так как в нынешнем состоянии у нас нет доступа к Реальности и мы манипулируем только самодельным «описанием мира») и энергетическую (так как удержание описания требует почти всей перцептивной энергии личности). Иными словами, мы *не знаем и не имеем сил постичь* Реальность, а значит, и подлинную сущность нас самих. Оттого мы ограничены и немощны в этом мире.

Значительная часть данного исследования будет посвящена именно методике достижения этой подлинной целостности. Мы выделили три основных приема, которые дон Хуан использовал в работе с учениками. Читатель, внимательно ознакомившийся с книгами К. Кастанеды, непременно заметит, что все действия учителя-мага в процессе долгих лет обучения производились по трем направлениям: а) уничтожение псевдоцелостности (разрушение описания мира), б) трансформация тоналя (очищение «острова тональ») и в) мыслительное и практическое осознание бытия подлинной Реальности (нагуаля – второй части «истинной пары»).

Любопытно, что интеллектуальное понимание «пары» дон Хуан открывает Кастанеде только на заключительном этапе его ученичества. Умствования на этот счет, не подкрепленные живой конкретикой опыта, в представлении данной традиции немногого стоят. Это как раз объясняет, почему первые книги Кастанеды, явившиеся отчетом потрясенного неофита, совершенно не осознающего, что же именно с ним проделывают, иногда оставляют впечатление аморфности, импровизации, странных фантазий и психоделического бреда. Эти книги в каком-то смысле оказываются прямой противоположностью интеллектуальным конструкциям философствующих мистиков Востока, где всякое переживание либо предваряется метафизическим положением, либо комментируется им.

Мы постараемся показать, что практически все загадочные поступки дон Хуана и его «безумные речи» выполняют существенную дидактическую роль, тщательно продуманную и психологически убедительную.

Начнем же мы с теоретического осознания Реальности, ибо понимаем: подобное исследование может быть воспринято читателем в первую очередь через интеллект, а не каким-либо другим способом.

В четвертой книге («Сказки о силе», 1974) Кастанеда подробно пересказывает, как дон Хуан ввел в его сознание идею тоналя и нагуаля («описания» и Реальности). Этот примечательный разговор состоялся в маленьком мексиканском ресторанчике, где даже столовые приборы и окружающая обстановка были использованы учителем для большей наглядности объяснений. «Я собираюсь рассказать тебе о тоне и нагуале», – начал он. Этот эпизод достоин того, чтобы процитировать его подробно.

«Теперь я использую твои собственные слова, – сказал он. – Тональ – это социальное лицо.

Он засмеялся и подмигнул мне.

– Тональ является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который чаще всего превращается в охранника.

Я схватился за блокнот. Он засмеялся и передразнил мои нервные движения.

– Тональ – это организатор мира, – продолжал он. – Может быть, лучше всего его огромную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача создания мирового порядка из хаоса. Не будет преувеличением сказать, что все, что мы знаем и делаем как люди, – работа тоналя. Так говорят маги.

В данный момент, например, все, что участвует в твоей попытке найти смысл в нашем разговоре, является тоне. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, тональ – это хранитель, который охраняет нечто бесценное – само наше существование. Поэтому врожденными качествами тоналя являются консерватизм и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно в каждом из нас превращается из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил, понял ли я. Я машинально кивнул головой, и он недоверчиво улыбнулся.

– Хранитель мыслит широко и все понимает, – объяснил он. – Но охранник бдительный, косный, чаще всего деспот. Следовательно, тональ во всех нас превратился в мелочного и деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем. <...>

– Тональ – это все, что мы есть, – продолжал он. – Назови его! Все, для чего у нас есть слово, – это тональ. А поскольку тональ и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает все.

Я напомнил ему, что он сказал, будто бы «тональ» является «социальным лицом». Этим термином в разговорах с ним пользовался я сам, чтобы определить человека как конечный результат процесса социализации. Я указал, что если «тональ» был продуктом этого явления, то он не может быть «всем», потому что мир вокруг нас не является результатом социальных процессов.

Дон Хуан возразил, что мой аргумент не имеет никаких оснований, ведь он уже говорил мне, что никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся.

– Тональ – это все, что мы знаем, – сказал он. – Я думаю, что это само по себе уже достаточная причина, чтобы считать тональ могущественной вещью. <...>

– Тональ – это все, что мы знаем, – медленно повторил он. – И это включает не только нас как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что тональ – это все, что мы способны видеть глазами. Мы начинаем возвращать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для тоналя. Поэтому правильным будет сказать, что тональ человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно. Тональ начинается с рождения и заканчивается смертью. <...>

– Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты подразумеваешь под утверждением, что тональ – это все? – спросил я после секундной паузы.

– Тональ – это то, что творит мир.

– Тональ является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

– Тональ создает мир, только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и тем не менее он творит мир, потому что его функция – судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что тональ творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим правилам, правилам тоналя. Очень странным образом тональ является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами, тональ создает законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле он творит мир.

Дон Хуан мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами по краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

– Ты не слушаешь меня, – сказал он и улыбнулся.

– Я слушаю, нет проблем, – сказал я не очень убежденно.

– Тональ – это остров, – объяснил он. – Лучшим способом описать его будет сравнение вот с этим. Он очертил рукой край стола. – Мы можем сказать, что тональ, как поверхность этого стола, остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров – фактически весь наш мир.

У каждого из нас есть личные тонали, и есть коллективный тональ для нас всех в любое данное время, и его мы можем назвать тоналем времени. Он показал на ряд столов в ресторане.

– Взгляни, все столы одинаковы, на каждом из них есть одни и те же предметы. Но каждый из них имеет и свои собственные индивидуальные отличия. За одним столом больше людей, чем за другим. На них разная пища, разная посуда, различная атмосфера. Но мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. То же происходит и с тоналем. Можно сказать, что тональ времени – это то, что делает нас похожими, как похожи все столы в ресторане. В то же время каждый стол существует сам по себе, как и личный тональ каждого из нас. Однако следует помнить очень важную вещь: все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове тоналя. Понимаешь, о чем я?

– Если тональ – это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такое нагуаль?

– Нагуаль – это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

– Прости, я не понял.

– Нагуаль – это та часть нас, для которой нет никакого описания – ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

– Но это противоречие, дон Хуан. Мне кажется, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

– Это противоречие существует только в твоём разуме. Я предупреждал тебя ранее, что ты выбьешься из сил, стараясь понять это.

– Не хочешь ли ты сказать, что нагуаль – это ум?

– Нет, ум – это предмет на столе, ум – это часть тоналя. Скажем так, ум – это чилийский соус. Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

– Может быть, нагуаль – это душа?

– Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа – это пепельница.

– Может, это мысли людей?

– Нет, мысли тоже на столе. Мысли – столовое серебро. Он взял вилку и положил ее рядом с бутылкой соуса и пепельницей.

– Может, это состояние блаженства, небеса?

– И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, часть тоналя. Это, скажем, бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять всевозможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я называл, он находил на столе что-нибудь для сравнения и ставил это напротив меня, пока все предметы на столе не были собраны в одну кучу.

Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он посмеивался, потирая руки каждый раз, когда я высказывал очередное предположение.

– Может быть, нагуаль – это Высшая Сущность, Всемогущий, Господь Бог? – спросил я.

– Нет, Бог тоже на столе. Скажем так, Бог – это скатерть. Он сделал шутливый жест, как бы скомкав скатерть и положив ее передо мной к другим предметам.

– Но значит, по-твоему, Бога не существует?

– Нет, я не сказал этого. Я сказал только, что нагуаль – не Бог, потому что Бог принадлежит нашему личному тоналю и тоналю времени. Итак, тональ – это все то, из чего, как мы думаем, состоит мир, включая и Бога, конечно. Бог не более важен, чем все остальное, будучи тоналем нашего времени.

– В моем понимании, дон Хуан, Бог – это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

– Нет, Бог – это все-таки то, о чем мы можем думать, поэтому, правильно говоря, он только один из предметов на этом острове. Нельзя увидеть Бога по собственному желанию, о нем можно только говорить. Нагуаль же всегда к услугам воина, и его можно наблюдать, но о нем невозможно сказать словами.

– Если нагуаль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то, может быть, ты сможешь сказать мне о его местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на пространство вокруг стола.

Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очистил воображаемую поверхность за краями стола.

– Нагуаль – там, – сказал он. – Там, вокруг острова. Нагуаль там, где обитает сила» (IV).

Глубоко скрытая двойственность человеческого существа всегда стремилась выразиться на уровне сознания. Мы можем предположить, что постоянные (начиная с древнейших мифов и заканчивая современными психологическими теориями) упоминания о дихотомичности человека, вполне могут указывать на подсознательную осведомленность о подлинном положении вещей. Любопытно, что двойственность внутреннего мира часто привлекалась для объяснения именно оккультных, магических явлений. Тому примером является ныне забытая книга врача Бруно Шиндлера «Магические стороны духовной жизни», изданная еще в 1857 году. Теперь его рассуждения выглядят наивными, но упомянуть о них следует.

Шиндлер исходит из того положения, что наша душевная жизнь, «как и все силы природы», имеет два полюса.

«Психологи, – полагает он, – обращали внимание только на один нормальный, бодрствующий, «дневной полюс» душевной жизни, между тем как другой – «ночной полюс» – не менее важен, так как в нем мы должны искать источник всех мистических событий, магических влияний и т. д.

Чем сильнее проявляется действие «ночного полюса», тем более он оттесняет на задний план «дневной полюс» и тем отчетливее проявляется магическое состояние. Можно проследить целый ряд таких состояний в постоянно усиливающейся прогрессии. Подобно тому как «дневной полюс» получает все возможные впечатления путем внешних чувств, «ночной полюс» также воспринимает впечатления от всей природы через посредство чувств внутренних.

Эти явления обнаруживаются уже на низших ступенях «ночного самосознания» – в снах. (В учении дон Хуана практика *сновидения* – один из важнейших способов проникновения в нагуаль. – А. К.)

Во сне, когда раскрывается внутреннее сознание, когда, с одной стороны, индивидуум оградил себя от всех жизненных явлений внешней природы и когда бесчисленные лучи космических и теллурических сил отражаются в индивидууме, когда, с другой стороны, преобладает низшая, вещественная, пластическая жизнь, тогда и в сновидениях проявляются оба направления душевной деятельности. С одной стороны, возникает мутная игра фантазии, возбуждаемая низшими ощущениями плоти, запятнанная телесными страстями, обремененная впечатлениями греховной дневной жизни, с другой стороны, восстает голос природы, подобно оракулу изъясняющий прошедшее, прозревающий настоящее, возвещающий будущее, и достигает порога сознания в форме предчувствия, вдохновения и пророчества».

Более высокую степень магического состояния мы наблюдаем в «предчувствии», возникающем в тех случаях, когда «ночной полюс» начинает проявлять себя в «дневном сознании». Если представления принимают определенный образ, то мы имеем временное «ясновидение». Если «ночное сознание» делается преобладающим, то мы имеем «пророчество», которое про-

является только при полном экстазе, выраженном с внешней стороны судорожными движениями. Это последнее обстоятельство ясно указывает, что власть воли над телом утрачена и «дневной полюс» оттеснен окончательно. Так как во всех этих состояниях человек сам не знает, откуда у него взялись эти представления, то и приписывает их либо откровению, либо бесовскому наваждению.

Все искусственные средства, употребляемые для вызывания экстатического состояния: натирания, курения, заклинания, воздержания, гипнотизирующие средства и т. д., – действительны, по мнению Шиндлера, лишь потому, что способствуют усилению ночного полюса за счет дневного. Впечатления, дремлющие в ночном сознании, выступают на первый план и получают яркость действительных явлений. Субъект видит лишь то, что ему желательно видеть: поэтому все вызывания духов приводят только к галлюцинациям. Истинную ценность имеет только ясновидение прошедшего и будущего, овладевающее индивидуумом при экстатическом состоянии, потому что эти явления порождаются воздействием «всего сущего» на «ночной полюс» сознания, хотя точный путь такого воздействия нам неизвестен. По мнению Шиндлера, вся практическая магия основана на действии на расстоянии некоторой силы, исходящей из «ночного полюса» человека и могущей вызывать движения неодушевленных вещей и разнообразные изменения в других людях.

Таким образом, своеобразность шиндлеровской теории состоит в том, что все магические явления он приписывает «ночному полюсу» человеческого сознания, весьма отличающемуся от нормального дневного полюса психической жизни. Ночной полюс получает из внешней природы воздействия совершенно иного характера, чем известные нам впечатления, получаемые через органы чувств, и деятельность его настолько отлична от деятельности дневного полюса, что мы не можем определить его законы.

Когда мы говорим о подсознательной осведомленности нашего существа, нельзя не вспомнить слова самого дона Хуана. «При определенных обстоятельствах тональ начинает осознавать, что кроме него есть еще нечто. Это что-то вроде голоса, который приходит из глубин, голоса нагуаля. Видишь ли, целостность является нашим естественным состоянием, и тональ не может полностью отбросить этот факт.

Поэтому бывают моменты, особенно в жизни воинов, когда целостность становится явной. Именно в эти моменты мы получаем возможность осознать, чем являемся в действительности.

Меня заинтересовали толчки, о которых ты говорил, потому что именно так нагуаль и выходит на поверхность. В эти моменты тональ начинает осознавать целостность самого себя. Такое осознание – это всегда потрясение, потому что оно разрывает пелену нашей умиротворенности. Я называю его целостностью существа, которое умрет. Суть в том, что в момент смерти другой член истинной пары – нагуаль – становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившееся в наших икрах и бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей нити жизни.

Он посмотрел на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя глупо и неловко.

– Целостность самого себя очень тягучее дело, – сказал он. – Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Маг задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?» (IV).

Человек – поистине жертва собственного «описания мира». Даже смерть, решающий факт его бытия и величайший страх живого, является элементом внушенной структуры. Наше стремление к псевдоцелостности, сокровенное томление по близкому, но недостижимому *ges integra*, замыкает восприятие на себе по всем направлениям, превращая мир в бесконечно повторяющееся, монотонное нечто, лишенное подлинной новизны и чувства Реальности. Мы

даже не можем говорить о восприятии в точном значении этого слова, ибо почти всегда имеем дело с *воспоминанием* о предыдущих восприятиях, пребывая в какой-то фантастической каше из идей, рассуждений, оценок, внутренней болтовни. «Подумай вот о чем, – продолжал он. – Мир не отдается нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем» (IV).

Здесь следует понять весьма важное положение, легко ускользающее от нашего внимания и очень часто становившееся камнем преткновения для Кастанеды во времена его ученичества. Описание мира включает в себя не только оценки и суждения, так сказать, мнения по поводу восприятий. Описание в первую очередь *структурирует само восприятие и определяет все атрибуты воспринимаемого*, включая и то, что именуется объективными (физическими) характеристиками мироздания, то есть пространство и время, массу, энергию и проч. «Плотность, материальность – это воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире, они являются только накапливаемой нами памятью. Памятью об описании. Ты помнишь о моей материальности точно таким же способом, как и о коммуникации посредством слов» (IV).

И вновь подступает к нам тревожный, неумолимый образ пустоты. Ибо что за непостижимый сумрак открывается взору, когда устранены все иллюзорные кирпичики, все предположенные описания, когда не за что зацепиться, потому что все эти крючки, «субъективации», модели, стереотипы рассеяны, обращены в пыль нечеловеческой наготой Объекта? («*Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы. Следовательно, если выключить осознание, необходимое для поддержания этих образов, то мир рухнет*» (V).)

Пустота как конечный итог философского изыска, как Великий Предел (достижение которого невозможно уподобить даже смерти, ибо смерть – все же опознаваемый знак, а не отсутствие всякого знака), всегда питала экзистенциальный нигилизм, начиная со времен Будды. За пределами «человеческого» пространства люди склонны провозглашать Ничто.

Этот своеобразный бунт антропоцентриста – обратная сторона «позитивной» мифологии тех, кто ищет спасения в наукообразной мечте или религиозном откровении. Недоужинная пронизательность и трезвомыслие требуются человеку, чтобы осознать: истина пребывает не здесь и не там. Древние даосы понимали это лучше других. «Во сне, в зеркале, в воде существует мир, – сказано в трактате «Гуань Инь-цзы». – Все, что есть и чего нет там, присутствует здесь, а не там. Вот почему мудрец не отвергает мир, а устраняет знание о нем».

3. Ветер нагуаля

Я тот, кто есть.

Исход 3:14

Но что нам сулит этот непостижимый иероглиф – мир без «знания о нем»?

Как может нечто, столь неопределимое, абсолютно безразличное и бессмысленное для человеческого взгляда, хотя и вездесущее, так категорично решать нашу судьбу, быть неизмеримо важным и вовлекать в свою тайну до того властно, что порой вся жизнь личности оказывается подчиненной его безудержному и туманному свету? Почему самые удивительные трансформации, раскрытие таинственного могущества психики от века связывались с открытием Реальности, как бы ее ни называли? И какой смысл таится в интригующей метафоре дона Хуана – «нагуаль там, где обитает сила»? Что мы для этого колосса, не знающего пределов, – прах, вечно сметаемый им с ладони, или возлюбленное дитя, «жемчужина», зреющая в утробе Бесконечного?

«Если мы отвлечемся от своих эгоистических предубеждений, неглубоких и непостоянных интересов, – писал Шри Ауробиндо, – если мы взглянем на мир беспристрастным и любознательным взглядом, ищущим одну только Истину, то заметим в первую очередь ничем не ограниченную энергию бесконечного существования, бесконечное движение, бесконечную активность, извергающую себя из беспредельного Пространства в вечность Времени, бытие, бесконечно большее, чем наше эго, либо всякое иное эго или их совокупность, – бытие, для равновесия которого грандиозные плоды эонов лишь мимолетный прах, а бесчисленные мириады – только ничтожная мелочь в его не поддающихся счету пределах.

Инстинктивно мы действуем, ощущаем, строим свои взгляды на жизнь так, словно этот колоссальный мир движется вокруг нас, словно мы находимся в центре его и он работает ради нас, ради нашей пользы или нам во вред, словно его главная забота, как и для нас, – соответствовать нашим эгоистическим стремлениям, эмоциям, идеям и идеалам. Когда же мы обращаем на него взгляд, то начинаем понимать, что он существует сам по себе, а не для нас, что у него собственные гигантские цели, свой сложный и бесконечный замысел, своя огромная жажда – блаженство, которое он стремится реализовать, свои грандиозные, непостижимые идеалы, с высоты которых он глядит на нашу мелочность, улыбаясь иронично и снисходительно» (The Life Divine. Ch. IX).

Конечно, такой взгляд по-прежнему «слишком человеческий», и сама постановка проблемы не имеет смысла, поскольку отношения между нами и Реальностью наверняка пребывают вне придуманных категорий или суждений. И все же здесь есть нечто, в любом случае важное, – «ничем не ограниченная энергия бесконечного существования». По сути, мы можем постулировать, не опасаясь впасть в космологический миф, только два факта, касающиеся подлинной Реальности: а) бесконечность и всемогущество ее энергии, б) нашу вовлеченность в эту энергию и связанность с нею. Отрицание этих двух фактов заведет нас в экзистенциальный тупик, где прозябают немногочисленные солипсисты нашего века, а «расцветивание» предложенной (пусть довольно скудной) картинки «интуитивными» догадками по поводу горнего замысла, грядущего величия человека и т. п. – в метафизические грезы религиозной философии. Рассматривая такую серьезную вещь, как Реальность, не следует выходить за пределы позитивного прагматизма – слишком дорогой может оказаться цена легкомыслия и заблуждений.

Памятуя о таком предостережении, попытаемся все же осознать то небольшое, что *реально* стоит за данными фактами бытия. Во-первых, мировая энергия действительно не знает пределов. Мы не можем больше рассматривать вселенную как структуру с неоднородным распреде-

лением энергии в пространстве или во времени. Допустимо говорить о *преобладании* одного вида энергии в рассматриваемой области континуума и лишь по отношению к *определенному* способу восприятия. Тот факт, что мир существует и движется, указывает на безусловную избыточность мировой энергии для любой точки экзистенциального поля. Сама неустрашимость пространства и времени в любом, даже чудовищно измененном (для нас) виде демонстрирует энергию бытия всегда, везде и во всем. Следовательно, проблема заключается только в том, *доступно* или нет восприятие энергии для данного состояния человеческого существа.

Как-то дон Хуан сказал Кастанеде, что в мире нагуаля постоянно дует ветер, и подчеркнул: «Это не метафора. Так оно и есть». Энергия бытия вездесуща, но наша природа позволяет определенным образом вуалировать ее проявления. Иными словами – трансформировать ее воздействие в соответствии с законами описания, т. е. посредством тоналя и в согласии с его «конфигурацией».

Во-вторых, нам следует понять, что реально означает наша вовлеченность в эту энергию и *связанность* с нею. То описание мира, которое мы с вами привыкли разделять, внушает представление о некоей противоположности «Я» и мира, субъекта и объекта, где возможно, например, *пассивное созерцание* или *активная деятельность*. Только абстрагируясь от подобных «статических» идей и рассматривая человека как энергетический комплекс, существующий в энергетическом поле, мы можем увидеть, что любой акт восприятия (независимо от того, описывается он нами как «активный» или «пассивный») есть процесс выделения либо поглощения, а в итоге – *обмена* энергией. И именно способ восприятия, осознания такового процесса определяет тип утилизации энергии либо исключает возможность самой утилизации. Нетрудно заметить, что описание мира, утверждаемое тоналем, накладывает несметное число ограничений в области утилизации энергии, культивируя лишь те из них, что устраивают его консервативную сущность, «оберегают» нас от рискованных шагов, одновременно лишая любых возможностей изменения.

Таким образом, мы владеем некоторым числом способов утилизации энергии, необходимым и достаточным для поддержания конкретной модели мировосприятия. Так обеспечивается эффективная деятельность в узкой области освоенного. «В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком нагуалем, – объясняет дон Хуан. – Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние нагуаля, захлестывает его. С момента, когда мы целиком становимся тоналем, в нас все возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем составлять пары. Мы ощущаем две наши стороны, но всегда представляем их предметами тоналя. Мы говорим, что две наши части – душа и тело, или мысль и материя, или добро и зло, Бог и дьявол. Мы никогда не осознаем, что просто объединяем в пары вещи на одном и том же острове, как кофе и чай, хлеб и лепешки или чилийский соус и горчицу. Скажу я тебе, мы – странные животные. Нас унесло в сторону, но в своем безумии мы уверили себя, что все понимаем правильно» (IV).

Большинство из нас за всю жизнь так и не докапываются до фундаментальной причины собственной ограниченности. Почему прекрасные и волнующие идеи духовного самосовершенствования, медитативные техники, направленные на пробуждение «бессмертной души», экстатические переживания Божества и искреннее противоборство с «дьяволом» разбиваются о безразличие «темной материи», о нерушимые законы праха? Ведь на самом деле мы видим в результате только некоторое расширение возможностей саморегуляции, которое, кстати говоря, вполне достижимо и без привлечения таких идеальных фантомов, как «добро и зло,

Бог и дьявол». Мы действительно «странные животные», потому что уверили себя, что способны воздействовать на Реальность, никак не соприкасаясь с нею, а только придумывая красивые слова и воодушевленно суггестируясь ими.

Читатель, конечно, вправе спросить: а не окажется ли «нагуаль» таким же красивым словом, ничего не меняющим в гуще безраздельно царствующего описания? Тонкую грань между осознанием истинного соотношения и сотворением еще одного мифа на «острове тональ» переступить крайне легко – ведь всякое слово требует *содержания*, структуры, а этим располагает исключительно «описание мира» как замкнутая и неизбежно возвращающаяся к себе целостность. На вопрос Кастанеды, что можно найти за «островом», дон Хуан ответил:

«Нет возможности ответить на это. Если я скажу «ничего», то только сделаю нагуаль частью тоналя. Могу сказать только, что за границами острова находится нагуаль.

– Но когда ты называешь его нагуалем, разве ты не помещаешь его на остров?

– Нет, я назвал его только затем, чтобы дать тебе возможность осознать его существование.

– Хорошо! Но разве мое осознание не превращает нагуаль в новый предмет моего тоналя?

– Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал нагуаль и тональ как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, как однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивую потребность во всем улавливать смысл, я говорил, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между «отцом» и «матерью», пока не научатся достаточно разбираться в терминологии. И что они, возможно, верят, что отец – это тот, кто носит брюки, а мать – юбки, или учитывают какие-нибудь другие различия в прическе, сложении или предметах одежды.

– Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями, – сказал он. – Мы чувствуем, что есть еще одна часть нас, но когда стараемся определить эту другую сторону, тональ захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть истинной пары – нагуаль» (IV).

Как видим, реальный смысл соотношения тональ-нагуаль сохраняется парадоксальным способом, т. е. лишением понятия «нагуаль» содержания вообще. С таким же успехом мы можем назвать Реальность абсолютным иксом (х) и только так не погрешим против истины. Возможно, здесь заключено одно из фундаментальных отличий системы дона Хуана от иных мистических доктрин.

Вспомните, как именуют бытие духовные искатели бесчисленных школ и направлений; даже самые утонченные традиции оперируют *содержанием* несмотря на то, что идея невыразимости опыта – общее положение для всякого мистика, давно ставшее трюизмом. Все эти слова: Брахман, мировое «Я», Божественное, Универсальное Сознание, Абсолют, Сат-Чит-Ананда, Христос, Любовь и проч. – оценивают, судят, опредмечивают, ограничивают, направляют. Каждое из этих слов имеет семантические границы, иногда жесткие и явные, иногда – аморфные, смутные, намекающие. В любом случае они служат своего рода дорожными указателями, с одной стороны – предваряющими опыт, с другой – обуславливающими его. Дорожный указатель, конечно, полезная штука, если вы хотите попасть в какое-нибудь определенное место, но именно он и мешает нам «пойти куда угодно».

В интервью *Psychology Today* Кастанеда рассказывает, что, обсуждая «Логико-философский трактат» Витгенштейна, дон Хуан заявил: «Этот твой приятель Витгенштейн затянул у себя на шее слишком тугую петлю, потому и не может пойти куда угодно».

Даже на пределе абстракции мистик не способен вырваться из описания мира. Скажем, Пустота или Путь Вещей – символы, впечатляющие своим размахом, но все равно путающие нас в качестве наиболее хитрых уловок тоналя. Описание мира работает совсем не грубыми методами, его замкнутость на себе далеко не очевидна. Требуется совершенно особое усилие

сознания, чтобы увидеть этот молниеносный и автоматический процесс. Если такое усилие не было приложено, самые проницательные из нас продолжают обманывать себя до конца.

Общим аргументом обычно служит утверждаемая несоразмерность слова и полноты переживания. Дескать, слово – не более чем условный знак, единственный способ намекнуть на нечто грандиозное и несказанное. При этом бхакта продолжает скитаться в сверкающем море Любви, раджа-йогин сливается с беспристрастным космическим субъектом (Пурушей), а буддист ускользает в беспредметную Нирвану. Такая закономерность переживаний особенно примечательна, если не забывать о том, что речь идет о встрече с единственной и абсолютной Реальностью. Для дона Хуана это хороший повод повеселиться, а заодно и выразить восхищение бесконечным хитроумием человеческого тоналя.

Судя по всему, представление об «истинной паре» не смогло пробиться в обусловленное сознание мистика. По крайней мере, мы таких примеров не знаем. Что-то ужасающее, неприемлемое заключено в безобидном иксе хихикающего мага, искренне забавляющегося недоумением Кастанеды. Что-то сокрушительное. «Нагуаль там, где обитает сила». Заметьте: нагуаль даже не сила, они только рядом! Сила – всего лишь один из бесчисленных эффектов нагуаля, завораживающий блеск Непостижимого.

Реальность и Сила настолько глубоко связаны в мироощущении человека, что одного из древнейших богов Земли, наделенного абсолютной властью, единого и всемогущего Творца, духовидцы ветхозаветной Иудеи называли «Тот, кто есть», «Сущий» (Иегова). Не правда ли, знаменательно? Первейшим атрибутом безраздельно правящего Божества оказывается даже не творчество и вовсе не право карать или миловать собственное творение, не Любовь и не Справедливость, а категоричное утверждение Его Реальности, абсолютного Существования, как будто одно это качество уже гарантирует превосходство над всеми кумирами Земли.

Конечно, можно лишь гадать, глубинная интуиция послужила причиной такого почтения Сущего или рассуждения совсем иного рода. Но пронзительный, никогда не затихающий ветер нагуаля действительно является бездонным источником абсолютной, всепобеждающей Силы.

Быть может, даже знаменитая формула Эйнштейна $E=mc^2$ не исчерпывает всей полноты могущества Реальности. Энергия миллиардов солнц готова в любой миг сокрушить, разметать в прах коснувшегося ее субъекта, стоит хоть на йоту погрешить против непререкаемых законов беспощадной «физики» нагуаля. Дон Хуан Матус утверждает, что его особое искусство позволяет индивидуальности сохраниться в обнаженной Непостижимости и даже укротить это свирепое движение с тем, чтобы выйти на иной уровень бытия – функционального, активного, творческого.

Статическая греза восточного мистицизма (самадхи, нирвана и т. п.) настолько отличается от этого могучего потока, что естественно задать вопрос: а не является ли блаженство медитаторов, их бесстрастное Сат-Чит-Ананда последним убежищем тоналя, самой хитрой и самой искусной его уловкой перед лицом вплотную поднявшейся Реальности?

«Величайшее искусство тоналя – это подавление любых проявлений нагуаля таким образом, что, даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным» (IV).

Нагуаль опасен, к нему нельзя приближаться беззащитным. Видимо, есть только два способа спасения существа от его всепоглощающего хаоса: 1) сохранение описания мира в таком виде, где Реальность демонстрирует себя лишь частично, теми сторонами, что менее опасны для бытия личности, 2) осознанное применение «щитов» тоналя, возможное в результате раскрытия «истинной пары» и понимания взаимодействия ее составляющих. Второй способ, несомненно, гораздо сложнее, рискованней, но и бесконечно эффективнее. Этим путем следует традиция дона Хуана. Первый способ дарит чувство защищенности, благополучия, но оставляет Реальность на некоторой дистанции, ослабляя ее ужас и ее мощь. Инстинктивно человек

всегда стремился как раз к такому способу – мудрому, безопасному и в результате слабосильному.

Возникновение дерзкой практики дона Хуана почти смахивает на чудо. Его приемы хитры, но часто подобны прогулкам на краю пропасти.

«Твой тональ должен быть убежден разумом, твой нагуаль – действиями, пока они не сравняются друг с другом, как я тебе говорил. Тональ правит, и тем не менее он очень уязвим. Нагуаль, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но, когда он действует, он ужасает тональ.

Этим утром твой тональ испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой нагуаль начал брать верх. <...>

Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный поверхностный наблюдатель.

Любая угроза тоналю обычно заканчивается его смертью. А если умирает тональ, то умирает и весь человек. Тональ легко уничтожить из-за его врожденной слабости, и потому одним из искусств равновесия воина является вывести на поверхность нагуаль, чтобы уравновесить тональ. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путем усиления тоналя может появиться нагуаль. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой» (IV).

Сила тоналя, или *личная сила*, – вот бесценное приобретение на пути индейских «магов», вот шанс принять нагуаль без мифов, во всей полноте, и не рассыпаться в прах под натиском его ветра. Здесь включена сложная дисциплина, требующая иногда «целой жизни борьбы», но начинается она в *осознании* тоналем самого себя, своего механизма, своих программ, хитростей и обманов. Без такого осознания невозможно начинать работу, без него мы навсегда останемся немощными и не сможем развернуть во всю ширь «крылья» своего восприятия, они будут лишь обманчиво трепетать, мельком показывая утешительные виды – сверкание несуществующих богов или бескрайнюю гладь морей Нирваны.

Кто знает, может, оно и лучше? Полностью развернутые крылья уносят нас слишком далеко – к Истине, где нет ничего человеческого.

«Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся и его крылья развернулись. Больше мне нечего сказать об этом. Невозможно объяснить, что с тобой произошло. Я не пытаюсь, и тебе не советую. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были созданы для осознания твоей целостности.

Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между нагуалем и тоналем. Тебя швыряли дважды для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Второй раз ты испытал полный удар путешествия в неизвестное. И тогда твое восприятие развернуло свои крылья. Что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты – пучок. Это объяснение магов. Нагуаль невыразим. Все возможные ощущения, и существа, и личности плавают в нем, как баржи, – мирно, неизменно, всегда.

Это идея жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослепленное суетой и сиянием места, где оно оказалось, – тоналем. Тональ – это то, где существует всякий объединенный организм. Существо впрыскивается в тональ, как только сила жизни связывает все необходимые

ощущения. Я однажды говорил тебе, что тональ начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли, – в нагуаль. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок единых ощущений не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.